

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

*Сборник материалов
всероссийской научно-практической конференции
(29 ноября 2019 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2020

УДК 343.1 (07)
ББК 67.411
С56

Редакционная коллегия: К. В. Муравьев, доктор юридических наук, доцент — председатель; А. Н. Артамонов, кандидат юридических наук, доцент — зам. председателя; Б. Б. Булатов, доктор юридических наук, профессор; А. А. Кузнецов, кандидат юридических наук, профессор; А. Б. Соколов, кандидат юридических наук, доцент — ответственный секретарь.

Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : сб. мат-лов
С56 всерос. науч.-практ. конф. (29 ноября 2019 г.) / отв. за вып. А. Н. Артамонов, К. В. Муравьев. — Омск : Омская академия МВД России, 2020. — 120 с.

ISBN 978-5-88651-748-4

В сборнике публикуются научные труды, подготовленные профессорско-преподавательским составом Омской академии МВД России, иных образовательных организаций и практикующими юристами, представленные для участия во всероссийской научно-практической конференции. Затрагиваются актуальные аспекты уголовно-процессуальной и криминалистической науки, освещаются проблемные вопросы практики применения уголовно-процессуального законодательства, организации расследования преступлений.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов образовательных организаций МВД России.

УДК 343.1 (07)
ББК 67.411

ISBN 978-5-88651-748-4

© Омская академия МВД России, 2020

Л. Ю. Аксенова, С. А. Карнович

ОСМОТР ДОКУМЕНТОВ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ СОКРЫТИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Обосновывается необходимость производства такого следственного действия, как осмотр предметов и документов по делам о мошенничествах, в том числе в целях выявления фактов его сокрытия. Представлен краткий анализ понятий документа, обозначены группы документов с учетом их взаимосвязи с преступным поведением лица, показан круг обстоятельств, устанавливаемых при производстве осмотра предметов и документов по делам о мошенничестве.

Ключевые слова: *мошенничество; документ; следственное действие; осмотр предметов и документов; сокрытие мошенничества.*

Изучение судебно-следственной практики показало, что наиболее часто при расследовании мошенничества проводятся следственные действия, связанные с изъятием, осмотром и исследованием документов. Осмотр предметов и документов носит характер самостоятельного следственного действия в тех случаях, когда обнаруженные объекты не были осмотрены в ходе других следственных действий.

Согласно Федеральному закону № 77-ФЗ документом является «материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования и хранения»¹. Бухгалтерский учет, помимо учетно-аналитической, выполняет также информационную функцию, отражая данные финансово-хозяйственной деятельности, в том числе и мошеннических действий, которые служат предметом осмотра, исследования эксперта-бухгалтера². Бухгалтерским документом в теории бухгалтерского учета является письменное свидетельство, которое подтверждает факт совершения хозяйственных операций, право на их совершение или устанавливает материальную ответственность работников за доверенные им ценности³.

¹ Об обязательном экземпляре документов : федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Сафонова М. Ф., Кузин Т. А., Добровольский А. Г. Бухгалтерская документация в практике выявления правонарушений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 10. С. 1–19.

³ Кондраков Н. П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий) учет. М., 2007. С. 11.

Документ также рассматривается учеными и с экономической точки зрения. Следует согласиться с мнением Г. М. Дашковской о том, что документация выполняет функции защиты бухгалтерского учета от различных злоупотреблений⁴. Г. А. Шумак делает ставку на изучение информационных признаков документа, закрепленных в его обязательных, общих для всех бухгалтерских документов реквизитах⁵. Таким образом, Г. М. Дашковская и Г. А. Шумак говорят об экономическом анализе документов, которой позволяет выявить действительную сущность хозяйственной операции. На необходимость криминалистического анализа содержания документов в рамках осмотра предметов и документов указывал и Б. В. Коробейников. Опираясь на исследование этого ученого, выделим основные виды содержания документов с учетом их взаимосвязи с преступным поведением лица по делам о мошенничествах⁶.

Документы, которые служат средством совершения преступления. К ним относятся: наряды на якобы выполненную работу, поддельные ведомости на выдачу товаров, акты списания материальных ценностей, доверенности на получение товарно-материальных ценностей, денежных сумм; товарно-транспортные накладные, приходно-расходные документы и др.

Документы, содержание которых является предметом преступного посягательства. Такими документами могут быть формы статистической или бухгалтерской отчетности. Завышая или преуменьшая содержащиеся в них количественные значения, преступники тем самым искажают имеющуюся информацию.

Документы, которые выступают средством сокрытия совершенного деяния. Все хозяйственные и управленческие процессы оформляются многочисленными документами. Таким образом, документ может быть использован для придания мошенническим действиям вида законных.

Документы, содержащие официальную информацию специализированных государственных органов, которые впоследствии могут стать объектами осмотра.

⁴ Дашковская Г. М. Особенности тактики отдельных следственных действий по делам о налоговых преступлениях и пути совершенствования их производства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4. С. 79–80.

⁵ Шумак Г. А. Бухгалтерский анализ как метод расследования преступлений. Минск, 1985. С. 27.

⁶ Коробейников Б. В. Криминалистическое исследование содержания документов // Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986. С. 433–447.

К ним, например, могут относиться:

— документы о финансовом состоянии организации в Инспекции федеральной налоговой службы Российской Федерации (формы отчета № 1 «Бухгалтерский баланс», № 2 «Отчет о прибылях и убытках»), при изучении которых можно получить сведения об активах организации, их изменении в разные периоды, а также о задолженностях;

— документы, содержащие информацию о размерах отчислений в качестве пенсий организацией или индивидуальным предпринимателем, в Пенсионном фонде Российской Федерации;

— отчеты о фонде оплаты труда и количестве работников в Фонде социального страхования Российской Федерации;

— документы о размерах и сроках направления бюджетных средств в отделении по региону Управления федерального казначейства Российской Федерации.

В целях получения информации о следах совершенного мошенничества необходимо каждую из указанных групп документов подвергнуть криминалистическому анализу. Криминалистический анализ документов признается наиболее эффективным и распространенным методом выявления преступлений, в том числе мошенничеств⁷. При криминалистическом анализе содержания бухгалтерских и учетных документов могут применяться такие методы, как встречная проверка и взаимный контроль. Эти методы используют в своей деятельности как ревизоры, эксперты-экономисты, так и следователи в рамках осмотра предметов и документов в целях установления признаков преступления⁸.

В ряде случаев можно использовать положения судебной бухгалтерии (рекомендации о приемах исследования документов), которые позволят совместить процессы обнаружения и декодирования судебно-экономической информации. В этом случае используется принцип выделения так называемых уязвимых операций. На основе этого принципа в практике органов внутренних дел применяются специальные поисковые методики диагностического типа. В результате следователь может непосредственно определить не только ориентирующую, но и доказательственную информацию.

При подготовке к осмотру предметов и документов следователю надлежит внимательно изучить соответствующее законодательство, специальную литературу, практику расследования дел данной категории, проконсультироваться со специалистом или пригласить его к участию в осмотре.

⁷ Александров И. В. Основы налоговых расследований. СПб., 2003. С. 213.

⁸ Криминалистика : учебник / под ред. проф. В. Д. Грабовского, доц. А. Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995. С. 168.

- Целью осмотра по делам о мошенничествах является установление:
- информации о том, кем, когда и при каких условиях был составлен документ, какова система учетной нумерации выдаваемых документов, кто имел доступ к документу;
 - законности выдачи документа и соблюдения правил его оформления;
 - наличия изменений в документе, произведенных после его составления, а также того, кем, с какой целью они сделаны и каков порядок внесения подобного рода изменений в документ⁹;
 - противоречий в общеизвестных фактах, имеющих общедоступное распространение; правильности отражения в осматриваемых документах уже установленные в ходе производства расследования обстоятельства (поскольку интеллектуальный подлог чаще всего выполняется путем «подгонки» данных, имеющихся в разных документах);
 - противоречий в реквизитах документа;
 - правильности финансовой стороны документа, арифметических расчетов;
 - способа изготовления бухгалтерских и иных документов, возможного изготовления документов с помощью специализированных автоматизированных программ («Клиент-Банк», «1С-Бухгалтерия», «Контур», «Финансовый аналитик» и др.¹⁰).

Из осмотра и анализа документов следователь может получить важную доказательственную информацию о месте деяния, времени, способе мошеннических действий, личности виновного лица, похищенном имуществе, очевидцах деяния, предметах и документах, полученных от мошенников, соучастниках виновного лица, использовании транспортных средств, направлении вывоза похищенного имущества и др.

Таким образом, в ходе осмотра предметов и документов по делам о мошенничествах может быть получено существенное количество криминалистически значимой информации, необходимой для полного и всестороннего расследования преступления и установления истины по уголовному делу, в том числе исключения фактов сокрытия деяния.

⁹ Подволоцкий И. Н. Осмотр и предварительное исследование документов. М., 2004. С. 27–28.

¹⁰ Сафонова М. Ф., Калинина И. Н., Швырева О. И. Бухгалтерская экспертиза. Ростов н/Д, 2017. 413 с.

А. А. Бондаренко

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДСУДНОСТИ ПО СЛОЖНОСОСТАВНОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье анализируются ситуации, потенциально ведущие к неопределенности или противоречиям между подсудимыми при установлении подсудности по соединенному уголовному делу. Высказывается мнение, что нормативно-правовое регулирование подсудности должно соответствовать его широкому пониманию и в виде общего правила (исчерпывающее) закреплено в законе, так как является механизмом обеспечения права на законный суд.

Ключевые слова: право на законный суд; подсудность; состав суда; соединение уголовных дел; сложносоставное уголовное дело.

Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что законодатель, внося соответствующие изменения, рассматривает подсудность только как совокупность критериев определения суда, полномочного разрешать уголовное дело в первой инстанции (узкий смысл). В свою очередь Конституционный Суд РФ при рассмотрении обращений граждан о конституционности УПК РФ в части подсудности формулирует правовые позиции на основе ее широкого понимания, включая правила выбора законного состава суда, институт отводов и т. д.¹ Аналогичная точка зрения встречается и в литературе².

В действующем УПК РФ подсудность уголовных дел достаточно подробно регламентирована по ординарным уголовным делам. Определены критерии выбора надлежащего суда и по делам, соединенным в отношении нескольких лиц и (или) по составам преступлений. В частности, при соединении уголовных дел, подсудных судам разных уровней, единое дело о всех преступлениях рассматривается вышестоящим судом, если раздельное рассмотрение может отразиться на всесторонности и объективности их разрешения (ст. 33 УПК РФ). Если в отношении хотя бы одного из со-

¹ По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и ч. 3 ст. 1, ч. 1, ч. 3, ч. 4 ст. 35 УПК РФ в связи с жалобами граждан А. В. Лушникова, А. С. Пушкарева и И. С. Пушкарева : постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. № 39-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю. Право на законный суд и вопросы подсудности по уголовным делам. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 831.

участников дело подсудно военному суду, то соединенное уголовное дело рассматривается соответствующим военным судом (ч. 7¹ ст. 31 УПК РФ). Вместе с тем закон не охватывает все возможные ситуации, возникающие при производстве по соединенному уголовному делу и потенциально ведущие к неопределенности или противоречиям между подсудимыми.

Так, распространение суда присяжных на районный уровень создает неопределенность возможного выбора указанного состава при передаче соединенного уголовного дела в областной суд. Изменение звена возможно в случаях, если один из обвиняемых (член СФ РФ, депутат ГД РФ, мировой судья и др.) заявит такое ходатайство (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ) или материалы уголовного дела в отношении одного из подсудимых будут содержать сведения, составляющие государственную тайну (п. 3 ч. 3 ст. 30 УПК РФ). Закон не дает ответа на вопрос, остается ли у обвиняемых право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, учитывая, что, например, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, не отнесено законом к подсудности областного суда. Не ясно, как будет разрешена ситуация в условиях разногласий между несколькими подсудимыми.

На фоне возросшего внимания к праву граждан на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, неоднократно предметом жалоб в Конституционный Суд РФ были вопросы неопределенности выбора соответствующего состава суда в условиях наличия разночтений между несколькими обвиняемыми. Одним из таких примеров является рассмотренный Конституционным Судом РФ запрос Ленинградского областного суда о конституционности п. 2¹ ч. 2 ст. 30 УПК РФ. К уголовной ответственности привлекались совершеннолетний (желающий рассмотрение уголовного дела с участием коллегии присяжных заседателей) и несовершеннолетние (в соответствии с п. 2¹ ч. 2 ст. 30 УПК РФ не имеющие права на указанный состав суда). Конституционный Суд РФ признал право совершеннолетнего на суд присяжных приоритетным и разрешил возникшую неопределенность, применив общеправовой принцип приоритета специальной нормы над общей. Закон в рассматриваемой части признан не противоречащим Конституции РФ, однако сформировано правило, которое, по нашему мнению, должно быть отражено в нормативной форме.

Кроме того, остается без внимания ситуация, когда обвиняемые разошлись во мнениях при выборе между рассмотрением уголовного дела единолично и коллегией из трех профессиональных судей, если последний состав не установлен императивно. Приоритет коллегиального рассмотрения, на наш взгляд, виден лишь из анализа закона, который ран-

жирует составы суда, а также предусматривает возможность заявления ходатайства, что без какого-либо блага будет нелогичным. Однако общего правила закон не содержит.

Сохраняется законодательная неопределенность в случаях, когда в разных местах совершено несколько преступлений одинаковой тяжести в равном количестве. В этом случае рассмотрение уголовного дела любым из нескольких возможных судов будет считаться правомерным и фактически будет определяться прокурором, утверждающим обвинительное заключение. Специальная норма (ч. 3 ст. 32 УПК РФ), посвященная территориальной подсудности, не охватывает описанную ситуацию. В литературе отмечается, что нынешний пробел, скорее всего, обусловлен не осознанной позицией законодателя, а элементарным недостатком юридической техники, так как ст. 41 УПК РСФСР 1960 г. указывала, что если определить место совершения преступления невозможно, то дело должно быть подсудно тому суду, в районе деятельности которого закончено предварительное следствие или дознание³.

Все представленные примеры показывают, что фактическая работа по определению надлежащего суда соответствует комплексному характеру подсудности и осуществляется по алгоритму: а) определение звена судебной системы; б) конкретный суд из этого звена; в) состав суда (при наличии возможности рассмотрения уголовного дела различными составами). Одновременно это механизм обеспечения права на законный суд, которое закреплено в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и продублировано в ч. 3 ст. 8 УПК РФ, а также является необходимым условием справедливого правосудия, имеющим своим предназначением обеспечение надлежащего доверия к судебной власти, беспристрастности и легитимности исходящих от нее решений. Это обязывает к нормативному закреплению (в виде общего правила) всех составляющих подсудности в широком смысле, так как они в равной степени обеспечивают право обвиняемых, потерпевших и других участников уголовного процесса, а также всех граждан знать, какой именно суд в соответствии с законом правомочен рассматривать конкретное уголовное дело. В противном случае неопределенность приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т. е. дискреционным полномочием правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона.

Следует отметить, что законодатель развивает закон в части определения законного суда по уголовным делам, однако не всегда учитывает

³ Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Л. В. Головки. 2-е изд., испр. С. 834.

специфику сложносоставных уголовных дел (наличие конфликта интересов участников уголовного судопроизводства, возможность выбора между несколькими нормами). Отсутствует системность изменений. Например, непонятны признание в 2010 г. утратившей силу ч. 2 ст. 33 УПК РФ и фактический перенос нормы о выборе надлежащего суда по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии с военнослужащими, в ст. 31 УПК РФ⁴. Законодатель не должен связывать определение подсудности при соединении уголовных дел исключительно с фактом соединения дел. УПК РФ не содержит обязанности возбуждать новые уголовные дела при установлении новых соучастников, а позволяет начать официальное уголовное преследование с принятием иных решений.

Однако место в законе общих правил, регламентирующих определение законного суда, не имеет принципиального значения, а относится лишь к вопросам юридической техники. К формированию же самих правил существуют следующие подходы.

Гипотетически одним из путей разрешения конфликта гарантий подсудимых в едином уголовном деле выступает императивное разделение производств. Принятие такого решения соответствует природе законного суда как заранее установленного, однако такой подход является радикальным. Выделение уголовных дел не обеспечит всесторонности, полноты и объективности разрешения каждого из них.

Другой путь связан с кропотливой работой по тщательному изменению законодательства. Потребуется просчитать все возможные варианты и дать исчерпывающее регулирование вопросов определения подсудности (в широком смысле), в том числе по сложносоставным уголовным делам. Частично исключению неопределенностей будет способствовать норма в следующей редакции: «При передаче соединенного уголовного дела в вышестоящий суд для его рассмотрения по первой инстанции право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом присяжных сохраняется, если оно было предусмотрено для рассмотрения в суде нижестоящем, кроме случаев привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных пунктами 2–4 ч. 6¹ ст. 31 УПК РФ».

При таком законодательном подходе суду не придется устранять неопределенность правоприменительным решением, а значит, позволит избежать отправления правосудия произвольно выбранным судом.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОРЯДКА НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анализируется проблема правового регулирования наложения ареста на имущество. Исследуется взаимосвязь указанной меры принуждения с имущественными отношениями и нормативной регламентацией этих вопросов в других отраслях права. Определяется влияние решений Конституционного Суда РФ на законотворческий процесс в части совершенствования соответствующих положений УПК РФ. Предлагаются пути оптимизации действующей модели применения рассматриваемой меры принуждения с учетом современных тенденций развития имущественной сферы.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество; меры процессуального принуждения; обеспечение исполнения приговора; защита права собственности.

Развитие законодательства, регламентирующего применение мер уголовно-процессуального принуждения, в значительной степени подчинено реализации идеи защиты интересов личности. Данное направление правотворчества предполагает учет достаточно широкого круга вопросов. Часть из них касается имущественной сферы. Регулирование указанной области отношений нельзя осуществлять изолированно от сложившихся правил экономической деятельности. Надежда на универсальность соответствующих норм УПК РФ не оправдывает себя. Примером является наложение ареста на имущество, которое неоднократно подвергалось критике со стороны органа конституционного контроля¹. Благодаря по-

¹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломагинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П // Там же. 2014. 31 окт. ; По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П // Там же. 2014. 24 дек. ; и др.

следнему законодатель изменил ст. 115 УПК РФ, ввел ст. 115¹ УПК РФ, усовершенствовал ст. ст. 116 и 208 УПК РФ². В связи с принятием Конституционным Судом РФ очередного решения³ ожидаются новые изменения УПК РФ, направленные на оптимизацию режима сохранности арестованного имущества при исполнении приговора. Такого рода активность обусловлена тем, что сформированные в ст. 115 УПК РФ правила отчасти служат проекцией ст. 175 УПК РСФСР. Современные положения уголовно-процессуального законодательства до сих пор рассчитаны на арест имущества, являющегося частью повседневного быта человека.

По утверждению председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, ограничение права собственности в рамках уголовного судопроизводства представляют одну из системных проблем, характеризующих специфику взаимоотношений правоохранительных органов и бизнеса⁴. Не выходящие за рамки закона решения органов предварительного расследования и суда иногда приводят к серьезным убыткам юридических лиц и предпринимателей. Острота проблемы усиливается тем, что такого рода последствия затрагивают интересы не только обвиняемых (подозреваемых), но и потерпевших, чьи права должны обеспечиваться в приоритетном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также других лиц.

С учетом используемой в ст. 115 УПК РФ терминологии круг участников ареста имущества не определен с исчерпывающей полнотой. Это негативным образом сказывается на реализации интересов «других лиц». Специальные меры защиты законодатель для них не предусматривает. Полагаем, что этот недостаток нуждается в устранении. Возможность обжалования действий и решений соответствующих должностных лиц в части защиты своих имущественных интересов должна распространяться на всех субъектов, к которым применяются меры, установленные ст. 115 УПК РФ. Указанная позиция достаточно определенно следует из решений Конституционного Суда РФ⁵.

Исследуемая проблема дополняется многообразием видов имущества, подвергаемого аресту. При этом УПК РФ предлагает нам только общие

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 17 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2015. 6 июля.

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой от 17 апреля 2019 г № 18-П // Там же. 2019. 29 апр.

⁴ Зорькин В. Д. Конституция живет в законах // Там же. 2014. 18 дек.

⁵ См., напр.: По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г № 18-П.

правила применения соответствующей меры принуждения. Исключение он делает лишь для ареста ценных бумаг (ст. 116 УПК РФ). В остальном порядок реализации данной меры уголовно-процессуального принуждения лишен необходимой детализации. Полагаем, что это связано не только с широким спектром видов имущества⁶, но и с разной отраслевой принадлежностью законодательного регулирования их обращения. Указанный фактор приводит к «уходу» из уголовно-процессуального поля многих особенностей процедурного характера, связанных с арестом имущества. Применение совмещенных правил данной разновидности принуждения, разрешение вопросов конкуренции общих аспектов и частных особенностей оборота имущества, закрепленных в других законодательных актах, усиливают роль усмотрения следователя, дознавателя и суда.

В связи с указанными обстоятельствами неудивительно, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, испытывают определенные сложности в применении отдельных положений законодательства. Имеются вопросы к используемой в ст. ст. 115, 116 УПК РФ терминологии. Так, название ст. 116 УПК РФ говорит об аресте ценных бумаг, в то время как ее содержание предполагает введение соответствующих ограничений и в отношении их сертификатов. При этом в рассматриваемой статье закона и в ст. 5 УПК РФ существо перечисленных понятий не раскрывается.

Нередко встречается коллизия норм различных законодательных актов. В качестве примера можно привести ситуацию, описанную в одном из решений Конституционного Суда РФ⁷. Признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, Сухорукову И. С. приговором суда было назначено наказание в виде штрафа. Этим же решением был сохранен ранее наложенный арест имущества до полной оплаты штрафа. Одновременно по заявлению Сухорукова И. С. Арбитражным судом Красноярского края он был признан банкротом и в отношении него открыта процедура реализации имущества гражданина, а оплата штрафа была отнесена к третьей очереди кредиторов.

⁶ Так, даже перечень объектов недвижимости законодатель закрепил в открытом виде (земельный участок, здание, сооружение, помещение, машино-место, объект незавершенного строительства, единый недвижимый комплекс, предприятие как имущественный комплекс, иной вид) — п. 1 ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (*Рос. газета*. 2015. 17 июля).

⁷ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова И. С. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 16, ст. 31 и 32 УИК РФ, ч. 1, 15 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве», ч. 9 ст. 115 и ст. 401² УПК РФ*: определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 578-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данное обстоятельство послужило поводом для рассмотрения вопроса о возможности снятия ранее наложенного ареста на имущество по уголовному делу для удовлетворения требований других кредиторов, чем ставилась под сомнение возможность исполнения наказания в виде штрафа. Конституционный Суд РФ по этому поводу достаточно определенно указал, что признание гражданина банкротом не препятствует исполнению наказания в виде штрафа. Если арест имущества гражданина, который вступившим в законную силу приговором суда осужден к уплате штрафа в качестве основного наказания, препятствует включению такого имущества в состав конкурсной массы, он не может рассматриваться как затрагивающий конституционные права заявителя.

Данный пример показывает, что исполнение рассматриваемой меры принуждения хотя и осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, но в значительной степени предполагает учет правил, сформулированных в других отраслях права, которые не всегда отражают специфику, связанную с расследованием и судебным разбирательством преступной деятельности.

В этих условиях уголовное судопроизводство определяет некоторые возможности, связанные с рассмотрением правового спора в другом правовом режиме. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В другом случае отмена ареста безналичных денежных средств, возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения, также могут быть связаны с их разрешением в порядке гражданского судопроизводства (ч. 9 ст. 115, ч. 6 ст. 115¹ УПК РФ). Аналогично могут решаться споры о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

С учетом разнообразного характера экономических отношений считаем, что этот подход требует развития. Следовательно, дознаватель, ориентированные на установление обстоятельств преступного события, не должны одновременно решать еще и другую задачу, связанную с проблемами собственности. К тому же регулирование такого рода вопросов осуществляется гражданским законодательством, в рамках которого приоритет отдается частноправовым механизмам рассмотрения вопросов. Их нельзя подменять уголовно-процессуальными схемами правового регулирования. Эту линию развития уголовно-процессуальных от-

ношений поддерживает и Конституционный Суд РФ, который допускает возможность возмещения причиненного преступлением вреда путем установления федеральным законодателем процедурных механизмов перевода ареста имущества из уголовного в гражданское (арбитражное) судопроизводство в случае признания в приговоре права на удовлетворение гражданского иска⁸. Соответствующий порядок еще не выработан законодателем. Полагаем, что переход из одного вида производства в другой и последующее рассмотрение дела в гражданском процессе не должны сопровождаться потерей ряда гарантий защиты интересов личности. Это касается вопросов представительства интересов сторон, режима сохранности имущества, исчисления судебных издержек и др.

Таким образом, многообразие видов имущества, подвергаемого аресту, широкий круг лиц, к которым может применяться рассматриваемая мера принуждения, межотраслевое регулирование ряда вопросов этой области отношений создают достаточно много проблем. При этом корректировка соответствующих законодательных установлений в последнее время осуществляется под влиянием решений Конституционного Суда РФ. Однако орган конституционного контроля в силу специфики полномочий не может учесть все аспекты правового регулирования. Требуется законодательная инициатива, направленная на разработку комплексного подхода, предполагающего учет современных особенностей развития имущественных отношений при применении мер уголовно-процессуального принуждения.

Р. Р. Валюлин

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЪЯВЛЕНИЯ РОЗЫСКА

Исследуются розыск подозреваемого, обвиняемого и получение лицом данных статусов. Автором обосновывается возможность объявления розыска лица, которое скрылось от следствия, дознания до получения статуса подозреваемого или обвиняемого.

Ключевые слова: *розыск; подозреваемый; обвиняемый; задержание.*

⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 УПК РФ в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г № 18-П.

Практика расследования уголовных дел, особенно по тяжким, групповым преступлениям, показывает, что чем дольше лицо, совершившее преступление, остается на свободе, тем больше вероятность совершения им нового преступления, заявления угрозы свидетелям и потерпевшим или уничтожения вещественных доказательств. Например, в следственной части ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю будущий обвиняемый, узнав о задержании соучастников, скрылся и в тот же день уже угрожал потерпевшему, в результате чего последний изменил свои показания. Другого обвиняемого, нарушившего меру пресечения в виде домашнего ареста, удалось задержать только в результате комбинации ОРМ при попытке совершения очередного особо тяжкого преступления¹.

В соответствии с УПК РФ розыск обвиняемых и подозреваемых возможен при наличии следующих условий:

- 1) имеется возбужденное уголовное дело;
- 2) статус разыскиваемого лица по уголовному делу — подозреваемый или обвиняемый (подсудимый).

В случае необходимости розыска лица сомнений при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, как правило, нет, а если отсутствуют повод или основания для возбуждения уголовного дела, то вряд ли потребуются розыск лица. Следовательно, с первым условием сложностей не возникает.

Со вторым условием ситуация иная. Согласно ст. 210 УПК РФ следователь поручает органам дознания розыск именно **подозреваемого или обвиняемого** при отсутствии сведений о месте его нахождения. Таким образом, для объявления розыска лицо должно получить статус подозреваемого или обвиняемого по одному из оснований, исчерпывающий перечень которых приведен в ст. ст. 46, 47 УПК РФ.

Вместе с тем часто в ходе расследования уголовного дела необходимо установить местонахождение лица, которое по каким-то причинам подозреваемым или обвиняемым еще не является либо имеет статус свидетеля. С формальной точки зрения в соответствии с указанными положениями ст. 210 УПК РФ не представляется возможным осуществлять розыск таких лиц. Данная проблема в настоящее время решается одним из двух способов.

Первым способом является так называемый «сторожевой контроль». По сути, при данном способе розыска проводится тот же комплекс мероприятий, что и при розыске, регламентированном Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной дея-

¹ Уголовное дело № 563667. Архив СЧ ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю.

тельности» и УПК РФ. Однако, во-первых, данный способ является не уголовно-процессуальным, поэтому уступает официальному розыску полномочиями сотрудника после того, как разыскиваемое лицо обнаружено, а именно, в отличие от официального розыска, не предусматривает возможность ограничения каких-либо конституционных прав (задержания). Во-вторых, есть прецеденты признания данной деятельности не соответствующей международному законодательству².

Другим, более процессуальным, в отличие от «сторожевого контроля», выходом из положения является искусственное придание лицу статуса подозреваемого или обвиняемого только в целях объявления розыска.

Рассмотрим возможность придания лицу статуса подозреваемого или обвиняемого, когда отсутствуют сведения о месте его нахождения и необходим его розыск.

1. Возбуждение уголовного дела в отношении разыскиваемого лица является неприемлемым основанием в связи с тем, что, как сказано выше, в случае возникновения необходимости розыска уголовное дело обычно уже возбуждено. Исключением будет, если уголовное дело изначально по каким-то причинам было возбуждено в отношении именно этого лица.

2. Задержание лица в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ также является нелогичным, если место его нахождения не установлено и розыск для того и необходим, чтобы задержать это лицо.

3. Уведомление о подозрении в совершении преступления при производстве расследования по уголовному делу в форме дознания. Э. Д. Шайдуллина в своей статье высказала предложение предоставить следователю полномочия уведомлять лицо о подозрении аналогично дознавателям³. В научном мире высказываются позиции «за» и «против» уведомления о подозрении⁴. Однако в нашем случае при отсутствии лица об этом не имеет смысла говорить, так как уведомлять некого.

4. Заочное применение одной из мер пресечения. Наиболее подходящей в данном случае видится подписка о невыезде и надлежащем по-

² *Постановление Европейского суда по делу «Шимоволос против Российской Федерации» (Shimovolos v. Russia) от 21 июня 2011 г., жалоба № 30194/09, § 55 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 1.*

³ *Шайдуллина Э. Д. Уведомление о подозрении как возможность наделения лица статусом подозреваемого в ходе предварительного следствия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 7–10.*

⁴ *Быков В. М., Терегулова А. А. Совершенствование оснований признания лица подозреваемым в совершении преступления // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1. С. 197–198 ; Кальницкий В. В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. 2008. № 1. С. 61–62.*

ведении. Подобная практика имеется в следственной части ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Более того, в постановлениях Абаканского городского суда и Верховного суда Республики Хакасия 2016 г. признана законной процедура заочного избрания этой меры пресечения. Вместе с тем задолго до данных решений судов Республики Хакасия Конституционный Суд РФ не единожды высказывался, что само по себе вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении — без отобрания у лица указанного письменного обязательства — не позволяет считать эту меру примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого⁵.

Кроме того, даже если мера пресечения была избрана надлежащим образом с объявлением подозреваемому и отобранием у него соответствующего письменного обязательства, после чего возникла необходимость его розыска в качестве подозреваемого, это говорит о том, что обвинение предъявлено не было и 10 суток истекли либо после объявления розыска, либо еще до этого. В таком случае есть прецеденты отказа оперативных подразделений от осуществления розыска такого лица, мотивированные тем, что лицо потеряло статус подозреваемого. Такого же мнения придерживаются некоторые суды. И первые, и вторые делают акцент на том, что мера пресечения применена **до предъявления обвинения в течение 10 суток**. В поддержку данной позиции говорит формулировка ч. 3 ст. 210 УПК РФ о том, что в случае обнаружения именно **обвиняемого** последний может быть задержан.

5. Последний и, как видится, самый законный на сегодняшний день способ заочного придания лицу надлежащего процессуального статуса в целях объявления его розыска — вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Вместе с тем согласно ст. 171 УПК РФ данное решение принимается при наличии достаточных доказательств. Из практики расследования уголовных дел Следственной частью ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю можно привести множество примеров, когда в ходе расследования выявлялись дополнительные фигуранты преступных групп, которые к тому моменту, зная о задержании всех своих соучастников, уже тщательно скрывались. В целях

⁵ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 66-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 27-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

розыска таких лиц постановления о привлечении их в качестве обвиняемых выносились заочно на основании имеющихся доказательств, которых иногда объективно не было для этого достаточно. Достаточные доказательства собирались после задержания таких обвиняемых, путем предъявления их для опознания, допросов, очных ставок, получения образцов для сравнительного исследования, производства экспертиз и др.

Есть практика заочного обвинения и объявления розыска для выделения уголовных дел в отношении незадержанных обвиняемых на заключительном этапе расследования перед уведомлением участников об окончании следственных действий, когда по делу собраны все доказательства. Но данная практика также не решает все проблемы, так как имеет отрицательные стороны.

Для решения проблемы своевременного установления и задержания лиц, совершивших преступления, представляется необходимым внести соответствующие изменения в законодательство, согласно которым возможно было бы поручить розыск не только лиц, уже имеющих статус подозреваемого, обвиняемого, но и, например, лиц, в отношении которых появились основания задержания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, т. е. лиц, которых осталось разыскать для придания им статуса подозреваемого. Данные изменения не исключат всех проблем объявления розыска, но разрешат большую их часть.

Н. Н. Гаас

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ

Рассматриваются полномочия суда при принятии решений по уголовным делам, поступившим с обвинительным постановлением. На основе правоприменительной практики сформулированы выводы о неоднозначном толковании судами положений ст. 226⁹ УПК РФ. Приводится мнение автора о необходимости разъяснения высшим судебным органом вопросов рассмотренных судами уголовных дел, поступивших с обвинительными заключениями.

Ключевые слова: сокращенная форма дознания; суд; прекращение уголовного дела; особый порядок.

Сокращенная форма дознания введена в уголовно-процессуальный закон в 2013 г. под лозунгом существенной процессуальной экономии¹.

Многие ученые-процессуалисты считают, что эта новелла обусловлена потребностью современного этапа развития общества и экономики нашего государства. Так, по мнению А. Б. Сергеева, сокращенная форма дознания «позволяет обеспечить соблюдение оптимального срока уголовного судопроизводства и существенно уменьшает размер процессуальных издержек»². А. Г. Маркелов уверен, что механизм применения сокращенной формы дознания «хорошо себя зарекомендовал», является «жизнеспособным и перспективным»³. В 2017 г. А. Горовой констатировал, что сокращенная форма дознания представляет перспективное направление в службе дознания⁴. Соглашаясь с вышесказанным, отметим, что, несмотря на активное практическое применение сокращенной формы дознания, по-прежнему возникают трудности в толковании норм гл. 32¹ УПК РФ, следствием чего является отсутствие единообразной практики расследования и рассмотрения уголовных дел.

Одной из таких «процессуальных трудностей», на наш взгляд, является неоднозначное толкование судами разных регионов Российской Федерации норм ст. 226⁹ УПК РФ в части принятия решения по уголовным делам.

Так, 16 сентября 2013 г. Одесским районным судом Омской области вынесено постановление о прекращении уголовного дела, расследованного дознанием в сокращенной форме, в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) в отношении Митциха Д. В., обвиняемого в совершении двух эпизодов угона. В своем постановлении суд, несмотря на возражения государственного обвинителя, указал, что данное решение является правом суда⁵. Аналогичное решение принял Исетский районный суд

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Сергеев А. Б., Шульженко О. В. Производство дознания в сокращенной форме как новая форма расследования // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. статей V междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2019. С. 160–162.

³ Маркелов А. Г. Идея разумного компромисса при сокращенной форме дознания в доказывании по уголовным делам // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 123–135.

⁴ Горовой А. Производство дознания в сокращенной форме // Полиция России. 2015. № 6. С. 37–38.

⁵ Постановление Одесского районного суда Омской области от 16 сентября 2013 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/iwQm1uakPI5/> (дата обращения: 15.11.2019).

Тюменской области 25 февраля 2019 г. по уголовному делу в отношении Чемякина С. В., обвиняемого по ст. 116¹ УК РФ⁶.

Более того, 8 февраля 2019 г. Центральным районным судом г. Тольятти вынесено апелляционное постановление по уголовному делу в отношении умершего Матвийчука В. Д. Данным постановлением суд отменил постановление мирового судьи Тольятти о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке и направил уголовное дело для принятия решения по существу. Свое решение суд мотивировал тем, что смерть обвиняемого не является причиной возврата уголовного дела для производства дознания в общей форме, так как представитель обвиняемого не возражает против прекращения уголовного дела за смертью⁷. И такие решения не являются единичными в судебной практике.

В то же время 23 апреля 2019 г. Новоалтайским городским судом Алтайского края вынесено постановление о возвращении уголовного дела по обвинению Пепеляева В. В. прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Свое постановление суд мотивировал тем, что смерть обвиняемого является препятствием для рассмотрения дела в порядке особого судопроизводства и постановления приговора, ссылаясь на требования УПК РФ⁸. Указанное решение прокуратурой не обжаловалось ввиду сложившейся практики в Алтайском крае о вынесении по таким уголовным делам только обвинительных приговоров. Аналогичные решения принимались и другими судами Алтайского края.

Таким образом, практика вынесения судами решений по уголовным делам, поступившим с обвинительным постановлением, весьма разнообразна и противоречива. Некоторые суды толкуют нормы гл. 32¹ УПК РФ как обязывающие суд выносить только два решения (приговор либо постановление о возвращении уголовного дела прокурору), другие же по аналогии с особым порядком судебного разбирательства уголовных дел каких-либо препятствий при принятии иных решений не усматривают.

Такое расхождение правоприменительной практики, на наш взгляд, обусловлено «неполноценностью» ст. 226⁹ УПК РФ, определяющей перечень решений, которые суд вправе принять по уголовному делу, посту-

⁶ Постановление Исетского районного суда Тюменской области от 25 февраля 2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/t9x0br5lGSm1/> (дата обращения: 19.11.2019).

⁷ Апелляционное постановление Центрального районного суда г. Тольятти от 8 февраля 2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HrrtJdzkdNZJ/> (дата обращения: 19.11.2019).

⁸ Постановление Новоалтайского городского суда Алтайского края от 23 апреля 2019 г. Архив Новоалтайского городского суда.

пившему с обвинительным постановлением, ограничивая суд в его полномочиях (ст. 29 УПК РФ). Обратим внимание, что ст. 226⁹ УПК РФ отчасти является отсылочной, а также не содержит прямого запрета о принятии по уголовному делу, оконченному при сокращенной форме дознания, иных, кроме указанных выше, двух решений. На наш взгляд, если по делу не требуется исследования доказательств, а также не будет установлено обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, то суд вправе принять по уголовному делу решение в пределах своей компетенции, в том числе и о прекращении уголовного дела. И это разумно, иначе следовало бы считать, что, заявляя ходатайство о сокращенной форме дознания, подозреваемый не мог бы рассчитывать ни на что, кроме обвинительного приговора, даже если бы имелись основания для прекращения уголовного дела, например в связи с примирением сторон. Очевидно, что это было бы нарушением права подсудимого на освобождение от наказания. Кроме того, цель процессуальной экономии в этом случае так и не будет достигнута, напротив, срок дознания будет увеличен, принцип разумного срока уголовного судопроизводства нарушен.

Таким образом, считаем, что в связи с возникшими в судебной практике противоречиями требуются разъяснения высшего судебного органа по вопросам применения ст. 226⁹ УПК РФ либо внесение в нее существенных корректировок в части регламентации судебного порядка рассмотрения уголовных дел, поступивших в суд с обвинительным постановлением.

А. Б. Диваев

СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Рассматривается соотношение двух традиционно обсуждаемых в теории уголовного процесса категорий: «цель уголовного процесса» и «цель уголовно-процессуального права». В основе лежит тезис о том, что эти цели отличны друг от друга. Если цель уголовного процесса объективна и едина для любого его типа, то цель уголовно-процессуального права имеет субъективный характер и индивидуальное проявление для каждого государства в тот или иной период его развития.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальное право; цель уголовного процесса; цель уголовно-процессуального права.

Категория «цель» достаточно востребована теорией уголовного процесса. В то же время в спектре проблем, связанных с характеристикой цели того или иного уголовно-процессуального явления, проблема цели уголовно-процессуального права не снискала особой популярности у исследователей. Обычно эта цель отождествляется с целью уголовного процесса (целью уголовного судопроизводства), что нам не представляется оправданным. По нашему мнению, цель уголовного процесса и цель уголовно-процессуального права — это разнопорядковые категории, содержание которых существенно отличается друг от друга. Прежде чем объяснить суть сказанного и аргументировать свою позицию, определим, что же необходимо подразумевать под категорией «цель».

Современная философия в определении цели предлагает исходить из механизма целеполагания. В этом контексте цель предстает как знание действительности и осознание потребности в ее изменении, как оценка ее несовершенства, противоречий и нужд и как некий образ идеального состояния этой действительности. Таким образом, в основе категории «цель» лежит не слепое фантазирование, а знание, формирующее потребность того или иного субъекта, в лице которого может выступать как конкретный индивид, так и целые сообщества и общественные структуры, такие как государства.

Исходя из этого, мы определяем цель как *продукт осознания проблем окружающей действительности, результат ее оценки, содержанием которого является идеальное представление о возможном ее состоянии в отсутствие выявленных проблем и противоречий, а также о системе реальных средств по их преодолению.*

Какова же с этой точки зрения цель уголовного процесса? Для ответа на поставленный вопрос необходимо несколько слов сказать о социальной природе уголовного процесса, которая предопределяет содержание его цели.

Социальные основы уголовного процесса производны от той неразрывной связи, которая существует между ним и уголовным правом. Наличие этой связи неоспоримо, однако в науке она исследована несколько однообразно — преимущественно с формально-юридических позиций. С этой точки зрения уголовный процесс рассматривается как установленный законом порядок применения норм уголовного права, что и определяет его цель как применение уголовно-правовой нормы¹.

Мы не оспариваем того тезиса, что с точки зрения правовой теории уголовный процесс — это процесс применения нормы уголовного права, однако не можем согласиться с тем, что этим исчерпывается его

¹ См., напр.: Давв В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 6–36; Муравьев К. В. Уголовный процесс и реализация уголовного закона // Вестник ТГУ. Серия: Право. 2016. № 4(22). С. 56–68; и др.

связь с уголовным правом. Эта связь имеет гораздо более выраженный социальный, нежели правовой, характер, вследствие того, что *уголовное право — это причина появления уголовного процесса* как социального явления. Именно формированием отрасли уголовного права были созданы социальные предпосылки для появления уголовного процесса, предопределившие его социальную функцию и цель. Поясним этот тезис.

Вопрос о социальных причинах возникновения уголовной ответственности и, как следствие, уголовного права, является одной из традиционных проблем уголовно-правовой науки. Не вдаваясь в подробности, согласимся с доводами тех авторов, считающих, что социальные корни уголовного права лежат еще в «доправовом» периоде общественного развития, для которого было характерным распространение такого социального явления, как месть, выступающего прообразом уголовного наказания. Нормы уголовного права, предусматривающие уголовную ответственность за совершение тех или иных деяний, зародились как следствие необходимости: 1) обуздать чрезмерную месть; 2) защитить от несправедливости объективного вменения, что было характерно для мести; 3) обеспечить защиту тому, кто сам был не способен к мести как более слабый; 4) защитить от произвольной мести; 5) защитить общественность, когда мстить в силу характера деяния некому². Однако «обуздание» обычая мести с помощью права, ее трансформация в уголовную ответственность не могли произойти без появления определенного единообразного порядка привлечения виновного к ответственности, который, с одной стороны, сохранил бы для потерпевшего впечатление воздаяния, восстановления справедливости, а с другой — «узаконил» бы месть, придав ей «внешне-юридический характер»,³ предотвратил чрезмерное применение ответных мер к причинителю вреда. Таким порядком стал уголовный процесс, целью которого стала *легитимация акта привлечения к уголовной ответственности*, что характеризует его и по сей день.

Несмотря на прошедшее с тех пор время, усложнение самого порядка производства по уголовным делам, его спецификацию в зависимости от исторических особенностей развития того или иного государства, мы убеждены в том, что предложенная цель уголовного процесса универсальна, не зависит от типа уголовного процесса и, будучи предопределенной его социальной функцией, носит объективный характер.

Совершенно иначе должна быть сформулирована цель уголовно-процессуального права. Если следовать современным представлениям о системе права, оно выступает отдельной отраслью права, регламентиру-

² Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М., 2013. С. 31–32.

³ Там же. С. 33.

ющей порядок привлечения к уголовной ответственности, т. е. уголовный процесс. Соответственно, это, т. е. *упорядочивание уголовно-процессуальных отношений, совокупность которых составляет уголовный процесс*, и есть *цель уголовно-процессуального права*. Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако на самом деле это не так.

Представленную цель необходимо рассматривать не иначе как юридическую цель уголовно-процессуального права, отражающую его формально-юридическую сущность. Между тем уголовно-процессуальное право это не только правовое, но и социальное явление. Его нормы оказывают не только правовое регулятивное, но и социальное воздействие, преследующее особую, социальную цель.

Содержание социальной цели уголовно-процессуального права, в отличие от той же цели уголовного процесса, вариативно, зависимо от тех установок, которые закладываются в содержание норм уголовно-процессуального законодательства субъектом, имеющим правотворческие полномочия.

Если рассматривать уголовно-процессуальное право как средство воздействия на социальный конфликт, что, на наш взгляд, наиболее точно отражает его социальную природу, его *социальная цель* объективно должна состоять в: 1) предотвращении потенциального социального конфликта между государством и обществом при противоречии их интересов по поводу реализации потребности в обеспечении безопасности от преступных посягательств; 2) разрешении социальных (процессуальных) конфликтов, возникающих в ходе производства по уголовному делу между участниками производства по уголовному делу, вызванных противоречием их потребностей и интересов.

Эта цель максимально соответствует интересам общества, выразителем которых должно быть государство, и, если целевые установки, выраженные в нормах уголовно-процессуального права, соответствуют им, можно говорить об объективности этих норм и адекватности социальной цели уголовно-процессуального права данного государства на конкретном историческом этапе его развития.

Разумеется, такое соответствие идеально. В реальности к достижению этой социальной цели уголовно-процессуального права государство должно стремиться. Однако, с одной стороны, ее достижение часто затруднено объективными причинами. С другой же — государство может осознанно ставить перед собой совершенно другие целевые установки, формулируя уголовно-процессуальное законодательство.

При этом в любом случае, какая бы социальная цель ни ставилась перед уголовно-процессуальным правом, она никак не влияет на цели уголовного процесса: эта цель заключается в легитимации акта привлечения к уголовной ответственности.

М. А. Дударева

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье рассмотрены ситуации, связанные со злоупотреблением правом на защиту, проанализированы исследуемые категории с позиции теории и практики их проявления, способы реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение защитника.

Ключевые слова: злоупотребление правом; защита; адвокат; суд; недобросовестное поведение.

Одной из приоритетных задач уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. Изучение практики показало, что все чаще встречается злоупотребление правами как со стороны защиты, так и со стороны следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, суда и прокуратуры. Данная тема представляет большой научный интерес¹, однако на практике остается много нерешенных проблемных вопросов.

Вопрос злоупотребления правом на защиту выступает частью общей проблематики, связанной с толкованием понятия «злоупотребление правом» в российском уголовном процессе в целом. Вопрос настолько существенный, что явился предметом рассмотрения в судебной практике. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 позволяет судам не признавать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда «отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным исполнением им этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса...»². В постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П также используются такие понятия, как «злоупотребление правом со стороны адвоката», «злонамеренное использование права со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь», «злоупотребле-

¹ См. подробнее: *Калиновский К. Б.* Злоупотребление правом на защиту. Уголовный процесс. 2015. № 7(127). С. 9; *Андреева О. И., Зайцев О. А., Емельянов Д. В.* О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 2(10). С. 19–24; *Лантух Н. В., Науменко Т. С.* Злоупотребление правом на ознакомление с материалами уголовного дела со стороны защиты на этапе окончания предварительного следствия // Актуальные проблемы науки и практики : Гатчинские чтения–2019 : сб. науч. тр. по мат-лам VI междунар. науч.-практ. конф. Гатчина, 2019. С. 357–359; *Семенов В. В.* Злоупотребление правом на защиту // Юридический мир. 2019. № 10. С. 43–46.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения»³. Такие формулировки сложны в применении и не предлагают никаких критериев для определения добросовестности/недобросовестности использования участником процесса своих правомочий. Само же по себе наличие ущерба интересам других участников процесса не может служить достаточным основанием для отнесения поведения участника к категории злоупотребления правом, поскольку в силу объективно существующего в уголовном процессе противоречия между интересами сторон любая эффективная реализация одним из участников уголовного судопроизводства своих процессуальных прав может привести к ущербу для интересов других участников.

Интерес адвокатов-защитников в процессе определяется интересом их доверителей, связан с ним и не может существовать в отрыве от этого интереса, который может не совпадать с интересами правосудия. Поэтому адвокаты при оказании юридической помощи не только используют свои знания и опыт, но и могут применять при этом любые средства. Однако закон требует, чтобы используемые адвокатами средства не противоречили ему. Это условие и определяет границы, в рамках которых должна оказываться юридическая помощь. Выход за границы пределов предопределяет возможность злоупотреблений правами.

В правоприменительной практике складываются следующие ситуации, связанные со злоупотреблением правом на защиту:

1. Срыв следственных и иных процессуальных действий.

Достаточно распространенным адвокатским приемом является умышленный срыв судебного заседания для какой-либо цели (истечение сроков содержания под стражей, неявка свидетелей обвинения и т. п.) или срыв заранее спланированного следственного действия.

Так, Октябрьским районным судом г. Барнаула было отказано в восстановлении в статусе в связи с отказом адвоката от участия в отдельных процессуальных действиях без уважительной причины (отказ от подписи в уведомлении, неявка в СИЗО № 1 г. Барнаула для проведения следственных действий с его участием). Ссылаясь на п. 1 и п. 4 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴ (далее — ФЗ «Об адвокатуре в РФ»), а также на п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, суд указал, что действия адвоката К. являются грубым нарушением закона, порочат честь и достоинство адвоката, существенно умаляют авторитет адвокатуры⁵.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Решение* Октябрьского районного суда г. Барнаула от 13.07.2017 по делу № 2-1003/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *По делу*

Из приведенного примера нетрудно заметить, что конкретные ситуации, а также наличие (отсутствие) у адвоката-защитника других вариантов поведения, помимо избранного им, могут кардинально менять оценку добросовестности его поведения. Так, адвокат может заранее поставить суд и других участников процесса в известность о своей занятости в судебном разбирательстве по другому уголовному делу. Если суд тем не менее назначит судебное заседание, невзирая на эти обстоятельства, то в этом случае неявка адвоката, вряд ли может быть поставлена ему в вину. Напротив, если адвокат не явился в судебное заседание, не предупредив заранее суд и участников процесса, хотя фактически имел возможность для этого, можно сделать вывод, что последствие в виде увеличения продолжительности судебного разбирательства связано с явно недобросовестным поведением такого адвоката-защитника и, соответственно, к лицу, допускающему такое злоупотребление, может быть инициировано применение мер дисциплинарной ответственности⁶.

2. Заявление большого количества различных ходатайств, удовлетворение которых не влечет формирования новых доказательств, в том числе свидетельствующих в пользу стороны защиты.

Ходатайство является важным инструментом в защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе средством осуществления обвиняемым и его защитником права на защиту. Сторона защиты не обладает властными полномочиями, а потому без реализации властных полномочий суда, как правило, не может получить нужное доказательство. Однако заявление ходатайства нередко используется стороной защиты для затягивания процесса, противодействия осуществлению правосудия. Широкие возможности для подобных злоупотреблений содержатся в уголовно-процессуальном законе, и следователь (дознатель) или суд обязаны принять ходатайство, рассмотреть его, удовлетворить или отказать. К этому необходимо добавить, что уголовно-процессуальный закон не ограничивает возможность заявления ходатайства ни количеством, ни объемом, ни продолжительностью. Борьба с анализируемыми злоупотреблениями достаточно сложна, следует отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, при этом такой отказ должен быть обоснованным и мотивированным.

о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П. Там же.

⁶ Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22-1678/2018 от 22 марта 2018 г.

3. Затягивание процесса ознакомления с материалами уголовного дела.

Ознакомление обвиняемого и его защитника со всеми материалами уголовного дела является одним из важных процессуальных действий на заключительном этапе досудебного производства. Однако все чаще встречаются случаи, когда ознакомление с материалами уголовного дела (даже небольшого по объему) длится многие месяцы и даже годы. Представители защиты пытаются тем самым «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, способствовать изменению или отмене меры пресечения в виде содержания под стражей и т. п. В данном случае следователь при выявлении злоупотребления со стороны защиты по своей инициативе в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ может обратиться в суд с ходатайством об установлении срока для ознакомления обвиняемого и защитника с делом. Такая мера продиктована необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу. Вместе с тем не каждый судья ограничивает время ознакомления с материалами уголовного дела, все зависит от конкретных обстоятельств дела и характера местной судебной практики.

4. Заявление обвиняемого (подозреваемого) о замене защитника.

Если назначенный защитник не устраивает подозреваемого, обвиняемого ввиду его низкой квалификации, занятой им в деле позиции или по другой причине, подозреваемый, обвиняемый вправе отказаться от его помощи. В этом случае следователь (дознатель) обязан выяснить у подозреваемого, обвиняемого, чем вызван отказ от назначенного защитника, разъяснить сущность и юридические последствия такого отказа и при уважительности его причин предложить заменить защитника. Обоснованность отказа от конкретного защитника должна оцениваться в том числе исходя из указанных в ст. 72 УПК РФ обстоятельств, исключающих его участие в деле, а также с учетом норм ст. ст. 6 и 7 ФЗ «Об адвокатуре в РФ». Вместе с тем УПК РФ прямо не регламентирует ситуацию, связанную с участием в деле защитника по назначению, от которого подозреваемый, обвиняемый отказывается при одновременном участии в деле защитника по соглашению. Значимые для уголовного судопроизводства выводы сделал Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова»⁷. Не исключается возможность оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по на-

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

значению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Соответствующими обстоятельствами могут признаваться, в частности, сделанные неоднократно и без каких-либо оснований заявления о замене защитника⁸, его неявка под разными предложениями в судебное заседание, т. е. действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающие на злоупотребление правом⁹.

Вместе с тем такое решение по поводу злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможности приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение.

Мы видим, что вопрос о злоупотреблении правом на защиту должным образом не разработан, в результате чего действующее законодательство и судебная практика пока не отличаются единообразным пониманием проблемы. Предпосылки злоупотребления правом коренятся в противоречиях между правом и нравственностью, которые также необходимо анализировать при изучении избранной проблематики.

М. Г. Ермаков

О ПРАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА В ЖИЛИЩЕ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ПОЛУЧЕНИЯ РЕШЕНИЯ СУДА

Рассматриваются особенности принятия решения о проведении обыска в случаях, когда получение судебного постановления в кратчайшие сроки невозможно. Отмечается хорошая результативность проведения обыска в случаях, не терпящих отлагательства. На основании проведенного опроса сотрудников следственных органов предлагаются рекомендации по повышению эффективности данного следственного действия.

Ключевые слова: *обыск; следственные действия; судебное решение; уведомление.*

По общему правилу, юридическим основанием производства обыска является соответствующее постановление. В исключительных случаях, когда производство обыска в жилище не терпит отлагательства (напри-

⁸ Например, по одному делу подсудимый может сменить до 15 адвокатов, что существенно затягивает процесс ознакомления с материалами уголовного дела и ход судебного разбирательства.

⁹ *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2012 г. № 5-Д12-65.*

мер, для пресечения дальнейшей преступной деятельности, в целях поимки преступника и т. п.), данное следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения.

В связи с этим в правоприменительной деятельности нередко возникают определенные проблемы. Практика производства обысков без предварительного получения решения суда, когда оно по закону необходимо, достаточно распространенное явление в деятельности органов внутренних дел при расследовании преступлений. С. Б. Россинский указывает, что оно существует в силу воздействия различных факторов¹.

Во-первых, заблаговременное получение соответствующего решения суда часто невозможно, например, при наличии обстоятельств, не терпящих отлагательства, при пресечении преступления, при задержании подозреваемого с поличным, преследовании скрывающегося преступника и т. п.

Во-вторых, в реальных условиях судья нередко оказывается физически недоступен, например, при географической удаленности от места проведения следственных действий, при отсутствии транспортного сообщения и подобных обстоятельствах.

В-третьих, перечень установленных законом случаев, в которых для производства обыска требуется судебное решение, достаточно быстро расширяется. Так, за несколько лет действия УПК РФ в него были включены обыск в помещениях, занимаемых (используемых) различными лицами, наделенными в соответствии с федеральным законодательством иммунитета от задержания, обыска, выемки и иных следственных действий, выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард (ч. 3 ст. 183 УПК РФ). Однако соответствующие предметы и документы могут быть обнаружены неожиданно для лица, производящего обыск, а обстоятельства, препятствующие производству обыска в определенном помещении без предварительного вынесения решения суда, могут быть установлены уже после начала следственных действий. Очевидно, проверка законности действий и решений органа, ведущего предварительное расследование, допустимость использования полученных таким образом материалов в качестве доказательств должны учитывать не намерения должностного лица, а допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина в данных условиях. Для этого

¹ Россинский С. Б. Допустим ли упрощенный порядок принятия решения о личном обыске задержанного по подозрению в совершении преступления? // Российский следователь. 2016. № 17. С. 25–30.

в ч. 5 ст. 165 УПК РФ была закреплена процедура последующего судебного контроля законности следственных действий (в том числе обыска), проведенных в случаях, не терпящих отлагательства. В подобных ситуациях следователь или дознаватель в течение 3 суток с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве соответствующего следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и его протокола для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в течение 24 часов должен проверить законность произведенного обыска или выемки с вынесением постановления о его законности или незаконности.

Проведенный опрос сотрудников органов предварительного следствия позволяет утверждать, что большинство следователей имело опыт производства обыска в жилищах граждан в отсутствие решения суда². При этом никто из опрошенных не указал ни одного случая последующего признания судом проведенных следственных действий незаконными. Возможно, опрошенные сотрудники никогда не ошибались и ни разу не злоупотребили своими полномочиями по любым мотивам, но и позиции тех авторов, которые указывают на формальный характер процедур судебного контроля законности, также заслуживают внимания. Опрошенные отмечают хорошую результативность рассматриваемого следственного действия: чаще всего в ходе обыска были обнаружены и изъяты орудия, следы преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, документы и т. д., послужившие в дальнейшем доказательствами по уголовным делам. По мнению большинства опрошенных, положительных результатов обыска не удалось достичь из-за отсутствия достоверной информации о местонахождении предметов, которые необходимо отыскать, а также промедления с проведением данного следственного действия, в результате чего важные для дела предметы уничтожаются либо сбываются обвиняемыми.

Таким образом, значение обыска как одного из важнейших первоначальных следственных действий сложно преувеличить. Неоправданное промедление с обыском может привести к отсутствию положительного результата. Кроме того, необходимо заранее располагать сведениями об искомых предметах, так как при отсутствии таких сведений эффективность обыска может значительно снизиться. Использование обыска на первоначальном этапе расследования, в том числе в случаях, не терпящих отлагательства, может существенно расширить доказательную базу, сделать более эффективным и объективным процесс расследования.

² Для целей данного исследования было опрошено 25 следователей органов внутренних дел УМВД России по Омской области.

Н. М. Журавлева

СВОБОДА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Анализируя действующее уголовно-процессуальное законодательство, существующие мнения ученых-процессуалистов и правоприменение положений главы 32¹ УПК РФ, автор рассматривает вопросы, связанные с реализацией принципа свободы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принцип; дознание в сокращенной форме; дознаватель; доказательства; оценка.

В 2013 г. законодателем в отечественное уголовное судопроизводство введена упрощенная форма предварительного расследования, регламентированная положениями главы 32¹ УПК РФ, — дознание в сокращенной форме¹.

Вот уже около шести лет среди ученых-процессуалистов и правоприменителей существует немало споров по вопросам особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме и реализации одного из принципов отечественного уголовного судопроизводства, а именно свободы оценки доказательств².

Так, ряд ученых полагает, что при производстве дознания в указанной форме согласно ч. 1 ст. 226⁵ УПК РФ достаточно установить событие преступления, характер и размер причиненного в результате преступного деяния вреда, а также виновность лица в совершении общественно опасного уголовно наказуемого деяния³.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Плеснева Л. П., Соколова О. В. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4(148). С. 122–125 ; Ильишев Т. А., Ульянова М. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Перспективы науки. 2017. № 12(99). С. 31–34 ; Буянова Ю. В. Свобода оценки доказательств при сокращенной форме дознания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2(34). С. 497–499 ; Диденко Н. С., Торков А. А. Реализация принципа свободы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме в ходе досудебного производства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 117–118.

³ Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 11 ; Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–31.

Иного мнения придерживается Л. А. Ярыгина, которая пишет, что при производстве дознания в сокращенной форме устанавливается весь круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, иными словами, предмет доказывания не отличается от требований ст. 73 УПК РФ⁴.

Анализ требований, закрепленных в ст. ст. 73, 225, 226⁵, 226⁷ УПК РФ, позволяет нам сделать вывод, что предмет доказывания при применении по уголовным делам сокращенного дознания един, а именно: в ходе производства дознания в сокращенной форме устанавливается весь круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренный в вышеуказанной норме, за исключением п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Относительно особенностей доказывания в условиях производства дознания в сокращенной форме полагаем, что они заключаются в обязанностях, указанных в ч. 2 ст. 226⁵ УПК РФ, и правах, перечисленных в ч. 3 данной нормы.

Представляется, что оценка доказательств при производстве дознания в сокращенной форме заключается в мыслительной деятельности дознавателя. При этом последняя есть не что иное, как внутреннее убеждение указанного участника уголовного судопроизводства не только в том, что каждое отдельное доказательство обладает всеми необходимыми свойствами согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, но и что установленная в ходе предварительного расследования совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, достаточна для принятия законного и обоснованного итогового решения по уголовному делу.

Так, Н. С. Диденко и А. А. Торковов считают, что действующий уголовно-процессуальный закон отводит дознавателю в условиях применения дознания в сокращенном порядке ответственную и первостепенную роль при реализации принципа, предусмотренного ст. 17 УПК РФ. Свою позицию указанные ученые обосновывают тем, что суд при рассмотрении уголовного дела по существу без производства судебного следствия основывает свое решение на доказательствах, представленных в обвинительном постановлении⁵.

Заслуживает внимания и мнение Ю. В. Буяновой, которая пишет, что реализация принципа свободы оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме существенно ограничена по сравнению с расследованием уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 32 УПК РФ⁶.

⁴ Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 80.

⁵ Диденко Н. С., Торковов А. А. Указ. соч. С. 118.

⁶ Буянова Ю. В. Указ. соч. С. 499.

Мы в свою очередь полагаем, что каких-либо препятствий для процессуальной свободы оценки доказательств при применении дознания в упрощенном порядке не имеется. Потому что правоприменитель, являясь лицом, заинтересованным в успешном разрешении уголовного дела, будет осуществлять все необходимые по его усмотрению и внутреннему убеждению следственные и иные процессуальные действия в целях собирания и проверки доказательств по делу. При этом следует отметить, что действующий уголовно-процессуальный закон каких-либо предписаний и ограничений по данному поводу не содержит. Части 2 и 3 ст. 226⁵ УПК РФ предусматривают ряд особенностей (дозволений) при доказывании по уголовному делу, но с четко прописанной «оговоркой», которая, по нашему мнению, лишь ограничивает самостоятельность дознавателя, касающуюся проведения либо невыполнения определенных следственных и иных процессуальных действий. Относительно права лица, производящего сокращенное дознание, не проверять доказательства, которые не оспорены основными участниками уголовного дела, следует отметить, что на свободу оценки доказательств ничто не влияет, если каждое из них обладает соответствующими свойствами, а совокупность установленных обстоятельств достаточна для разрешения уголовного дела.

Кроме того, следует помнить, что в условиях производства дознания в сокращенной форме прокурор имеет право, осуществив оценку по своему внутреннему убеждению собранных по делу доказательств и руководствуясь законом, принять решение об исключении из обвинительного постановления отдельных пунктов обвинения, а также переквалификации последнего на менее тяжкое. Более того, при возникновении сомнений относительно установленных по уголовному делу обстоятельств, подлежащих доказыванию, прокурор уполномочен вернуть уголовное дело на дополнительное расследование, что предусматривает подп. «в» п. 3 ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ.

Вызывает некоторые сомнения реализация в полном объеме принципа свободы оценки доказательств в ходе судебного производства по причинам рассмотрения уголовного дела в особом порядке, который не предполагает проведения судебного следствия. При этом при принятии решения суд оценивает только те доказательства, которые содержатся в обвинительном постановлении. В связи с этим полагаем, что полноценное и всестороннее исследование, проверка и оценка установленных по делу обстоятельств возможны лишь при рассмотрении уголовного дела в общем порядке. Кроме того, по нашему мнению, это способствует предотвращению судебных ошибок, а также вынесению законного и обоснованного приговора либо принятию иного решения.

Подводя итог изложенному, полагаем, что в ходе досудебного производства в условиях применения дознания в сокращенной форме процессуальная свобода оценки доказательств ничем не ограничена и реализуется в полном объеме как дознавателем, так и прокурором. Однако в ходе судебного производства по уголовному делу, расследованному с применением дознания в упрощенном порядке, полноценное соблюдение указанного принципа возможно только при рассмотрении дела судом по существу в общем порядке.

Т. И. Исакова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Поднимаются вопросы применения на практике новых положений УПК РФ, введенных Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, на примере ст. ст. 164 и 164¹ УПК РФ. Анализируются ограничения, наложенные на работу органов предварительного расследования в связи с указанными изменениями закона.

Ключевые слова: *изъятие; выемка; осмотр; обыск; электронные носители информации; электронные устройства; судебное решение.*

С развитием компьютерных технологий неизбежно растет количество преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационной сети Интернет. Современная действительность отразилась и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, где появился термин «электронные носители информации».

Весьма интересна в этом плане формулировка законодателя, используемая им во введенной Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ ч. 4¹ ст. 164 УПК РФ, где прямо указано, что не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164¹ УПК РФ¹. Новелла вошла в законодательство в связи с осуществлением комплекса мер по расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

¹ *О внесении изменений в статьи 76¹ и 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Подчеркнув в тексте закона недопустимость необоснованного изъятия электронных носителей, законодатель дал отсылку к ч. 1 ст. 164¹ УПК РФ: «При производстве по уголовным делам, указанным в части четвертой статьи 164 УПК РФ, изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев...». Недопустимость необоснованного изъятия понятна, но уточнение, введенное в ч. 1 ст. 164¹ УПК РФ, при внимательном прочтении наводит на мысль о практической невозможности их изъятия, ибо использованная законодателем формулировка однозначна: «изъятие электронных носителей информации не допускается». При этом мы имеем три исключения из общего правила, при которых изъятие электронных носителей все же возможно: 1) электронные носители информации подлежат изъятию, если в отношении них вынесено постановление о назначении экспертизы; 2) имеется судебное решение, на основании которого и производится изъятие; 3) когда на носителях электронной информации имеются сведения, с помощью которых можно совершить преступление; владелец носителя не является владельцем информации либо копирование, по мнению специалиста, может повредить ее.

Два из трех исключений вызывают сомнения в реализации при производстве следственных действий. В соответствии с ч. 1 ст. 195 УПК РФ следователь в постановлении о назначении экспертизы указывает материалы, которые предоставляет в распоряжение эксперта. В случае электронных носителей необходимо идентифицировать каждый из них, что невозможно без наличия конкретных данных, которые, как правило, указаны производителем на самом носителе либо во встроенном программном обеспечении (FirmWare). А значит, субъект, осуществляющий предварительное расследование, не сможет вынести законное и обоснованное постановление о производстве компьютерной экспертизы до момента изъятия электронных носителей.

Наличие на электронном носителе информации, на которую у владельца носителя нет прав, как и возможность использования имеющейся информации для совершения преступлений, в ходе изъятия можно определить лишь субъективно, полагаясь на мнение участвующего специалиста. То же замечание следует отнести и к заявлению специалиста о невозможности копирования информации. Изучив судебную практику, можно сделать вывод о неоднозначности толкования судами норм по изъятию электронных носителей информации и перечню специалистов, обязанных участвовать при их изъятии. Так, 6 мая 2019 г. апелляционный суд города Севастополя вынес постановление, в котором указал, что нарушение требований УПК РФ при изъятии электронных носителей информации не допущено, поскольку, как следует из содержания протокола, при обыске в качестве специалиста при-

существовал оперуполномоченный В., заявивший, что на электронных носителях информации, находящихся в месте производства обыска, содержится информация, копирование которой может повлечь за собой ее утрату или изменение. В этой ситуации следователем произведено изъятие электронных носителей информации, переданных в дальнейшем для производства компьютерно-технической судебной экспертизы².

22 января 2019 г. Московский областной суд вынес апелляционное постановление, отменившее постановление Королевского городского суда в части отказа в удовлетворении жалобы С., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконными действий следователя СУ УМВД России по городскому округу Королев Н. о получении и приобщении к уголовному делу банковских выписок и о незаконном изъятии в рамках обыска документов, компьютеров, содержащих базы данных 1С. Материал направлен в тот же суд на новое рассмотрение в ином составе суда, так как ранее судом не дана надлежащая оценка тому, что изъятые в ходе обыска документы, содержащие базы данных 1С, не имеют отношения к уголовному делу, возбужденному в отношении С. (сына заявителя) по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, по факту преднамеренного банкротства³.

Учитывая ситуацию, полагаем необходимым получение санкции суда органами предварительного расследования во всех случаях изъятия электронных носителей по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности.

В. В. Кальницкий

ПРЕДПОСЫЛКИ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА НЕ ДОЛЖНЫ ФОРМИРОВАТЬСЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В соответствии с действующим законодательством повод для проведения судебного разбирательства в особом порядке закладывается в досудебном производстве. В основе повода лежит позиция преследуемого лица, которое должно согласиться с выдвинутым обвинением и выполнить дру-

² Апелляционное постановление № 22К-277/2019 от 6 мая 2019 г. по делу № 22К-277/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.11.2019).

³ Апелляционное постановление № 22К-476/2019 22К-9353/2018 от 22 января 2019 г. по делу № 22К-476/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.11.2019).

гие условия, предусмотренные законом. Формируя повод для особого порядка судебного разбирательства, орган преследования, по существу, влияет на определение формы судебного производства (фактически ее устанавливает, предписывает суду рассматривать дело в упрощенном порядке) и, не исключено, готовит материалы с учетом отсутствия у суда обязанности их всесторонне и полно проверять. Вместе с тем в соответствии с конституционным положением об осуществлении правосудия только судом (ч. 1 ст. 118) оценка оснований для применения особого порядка судебного разбирательства и определение процедуры исследования материалов дела должны относиться к исключительной прерогативе суда. Полный или частичный отказ от непосредственного исследования доказательств возможен только перед судом и по инициативе сторон. При соблюдении данного условия категория преступления значения не имеет.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; непосредственное исследование доказательств; законодательная инициатива Верховного Суда РФ.

1. Согласно официальным данным, в настоящее время до 70% уголовных дел рассматривается по первой инстанции в особом порядке, т. е. без непосредственного исследования доказательств, устанавливающих обстоятельства преступления. Как воспринимать такую ситуацию? Если сравнить с 97% «делок с правосудием» в США¹, то начало непосредственности в российских судах реализуется в большей степени. При этом в отличие от «делки с правосудием» обстоятельства, подлежащие доказыванию, устанавливаются в досудебном производстве в полном объеме. Поэтому угроза неустановления истины без полноценного судебного контроля хотя и присутствует, но она не абсолютная. Если же сравнить современную картину судопроизводства в суде первой инстанции с советским периодом, то она выглядит не очень привлекательно. По УПК РСФСР 1960 г. каждое уголовное дело рассматривалось при непосредственном исследовании доказательств и с участием народных заседателей. Степень непосредственности (глубина реализации этого условия судебного разбирательства) была не столь высокой, как в настоящее время, в частности, более свободно трактовались уважительные причины неявки в суд вызванных участников, не применялось право подсудимого оспорить показания свидетельствующих против него лиц, но полного исключения начала непосредственности не было ни по одному делу.

¹ Головкин Л. В. «Объективной истине» решили дать официальный ход. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головкин. М., 2016. С. 186.

2. Необходимо отдавать отчет в том, что особый порядок как упрощенная форма рассмотрения уголовного дела возник в результате отнесения к судебной компетенции тех многочисленных вопросов, которые в предшествующие периоды разрешались несудебными органами. Право на судебную защиту приобрело настолько широкий размах, что его обеспечение потребовало значительного дополнительного судебного ресурса. Среди прочих мер, предпринятых в этом направлении, выделяется высвобождение судебного потенциала за счет особого порядка судебного разбирательства. Первоначально особый порядок распространялся на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Поскольку первая редакция закона была противоречивой (руководствуясь ею, суды порой выносили приговоры в предварительном слушании), возникла потребность в корректировке закона. В ходе внесения изменений без какого-либо объяснения законодатель распространил особый порядок также на дела о тяжких преступлениях.

3. Значительная распространенность уголовных дел, рассмотренных в особом порядке, сама по себе неизбежной угрозы правосудию не представляет. В законе определены гарантии против необоснованного осуждения: применение упрощенного порядка судебного разбирательства полностью зависит от усмотрения преследуемого лица, которому предоставлено право обсудить свою позицию с защитником; необходимо согласие государственного обвинителя — представителя органа надзора за соблюдением законов; судья вправе по своей инициативе перейти к общему порядку судебного разбирательства и т. д. Однако чем меньше особого порядка, тем правосудие ближе к своим истокам. Особый порядок судебного разбирательства — это искусственная конструкция, рукотворная по своей природе. Отказ от непосредственного исследования доказательств возникает не тогда, когда в таком исследовании нет необходимости, а при наличии формальных условий, которые считаются достаточными для применения особого порядка. Объем особого порядка регулируется и прогнозируется законодателем, в средних значениях он учитывается при расчете нагрузки (подобно штрафным санкциям, которые закладываются в доходные статьи бюджета). На этом же свойстве — внешняя регулируемость — основаны сначала позиция Генерального прокурора РФ², а затем и инициатива Верхов-

² *О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению* : доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 10 апреля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного Суда РФ³ по исключению уголовных дел о тяжких преступлениях из числа деяний, по которым возможен особый порядок судебного разбирательства. Представляется, что исключение особого порядка судебного разбирательства по делам о тяжких преступлениях не выступает тем востребованным шагом, который остро необходим. Это — полумера, не предполагающая анализа начала непосредственности судебного разбирательства, не ориентирующая на обстановку живого процесса. Произвольно и умозрительно предусмотрели особый порядок по данной категории дел, а теперь его исключаем. Все недостатки, присущие особому порядку судебного разбирательства, в таком случае сохранятся при производстве по делам небольшой и средней тяжести, которых большинство.

4. Специфика особого порядка судебного разбирательства состоит в том, что повод для ускоренного рассмотрения дела формируется в досудебном производстве. Нецелесообразность полного исследования всех материалов дела вытекает не из внутреннего убеждения сторон, сформировавшегося в зале суда, а из позиции обвиняемого, выраженной в досудебном производстве. Имея возможность влиять на выбор обвиняемого, орган расследования в известной мере управляет дальнейшим судебным производством, по крайней мере решение о назначении судебного заседания в особом порядке зависит от формулировки позиции обвиняемого в протоколе ознакомления с материалами дела. Орган преследования вторгается в компетенцию судебной власти, предопределяет порядок осуществления правосудия, что, на наш взгляд, не согласуется с конституционным положением об осуществлении правосудия только судом. В упомянутом докладе Генерального прокурора подчеркнуто, что высокий процент дел, рассматриваемых в особом порядке, «еще на досудебной стадии формирует отношение к ним как не требующим значительных трудозатрат». Отмеченное обстоятельство не позволяет полностью исключить влияние на выбор обвиняемым особого порядка судебного разбирательства в расчете на отсутствие скрупулезной проверки всего доказательственного материала в судебном следствии.

5. Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. закреплялся противоположный подход к возникновению «ускоренного» судебного следствия. В главе 7 «О порядке производства судебного следствия» содер-

³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жаты следующие положения: «Подсудимому, признающему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется» (ст. 680); «Если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям» (ст. 681); «Судьи, присяжные, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступает к рассмотрению и проверке доказательств» (ст. 682). Отказ от непосредственного исследования доказательств здесь никаким образом не предопределен позицией властных и невластных участников досудебного производства, а полностью находится в пределах внутреннего убеждения представителей сторон и суда. На наш взгляд, исторический пример демонстрирует оптимальный подход к упрощению судебного следствия, основанный не на отказе от непосредственности судебного разбирательства, а на его осознанном и свободном ограничении достигнутыми консенсуса участниками судебного разбирательства. В связи с этим представляется разумным доктринальное обращение к предшествующему опыту на современном этапе⁴.

Согласно законодательству Казахстана обвинитель поле изложения сущности обвинения «вправе заявить суду о намерении заключить процессуальное соглашение» (ч. 2 ст. 364); «председательствующий опрашивает подсудимого... выясняет, желает ли он заключить с прокурором процессуальное соглашение...» (ч. 1 ст. 365). Заключение процессуального соглашения выступает одним из условий проведения судебного разбирательства в сокращенном порядке (ст. 382 УПК РК).

Действующее российское законодательство содержит механизмы инициирования судом и сторонами перехода от особого порядка к непосредственному судебному следствию. Но возвращение к порядку, от которого предварительно отказались, происходит психологически и организационно сложнее, чем следование общим установлениям с правом в определенный момент признать произведенное непосредственное исследование достаточным.

⁴ *Машовец А. О.* Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 26.

Е. Е. Коробкова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО И ОБЪЯВЛЕНИЯ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Анализируется современное состояние институтов привлечения в качестве обвиняемого и квалификации деяния в уголовном судопроизводстве России и Казахстана. Положительно оценивая состоявшееся реформирование и прогрессивный подход законодателя Республики Казахстан, автор обращает внимание на то, что институт квалификации деяния во многом содержательно повторил институт привлечения в качестве обвиняемого, преобразившись в новую форму.

Ключевые слова: *привлечение в качестве обвиняемого; квалификация деяния; уголовное преследование; подозрение; обвинение.*

Привлечение в качестве обвиняемого является для российского уголовного процесса обязательным этапом предварительного следствия. Значение его связано с формированием первоначальных пределов производства по уголовному делу, обеспечением гарантий прав и законных интересов лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, и с достаточностью доказательств для обвинения лица в совершении преступления. Одновременно с этим в последнее время все чаще обсуждается идея, связанная с реформированием института привлечения лица в качестве обвиняемого. Высказываются различные идеи относительно возможных перспектив. Одни ратуют за полный отказ от института привлечения в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве, другие призывают к его частичному усовершенствованию. Одна из альтернатив — это возможность заменить его институтом определения квалификации деяния подозреваемого по образцу отдельных постсоветских государств, в частности Республики Казахстан. Однако стоит признать, что нередко результаты подобных преобразований без уяснения их сути выглядят внешне очень масштабно и привлекательно, но при более внимательном прочтении позволяют усомниться в наличии у них какого-либо нового содержания. В связи с этим очень неоднозначную оценку наряду с другими новеллами Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК) вызывает ликвидированный институт привлечения лица в качестве обвиняемого. При первом прочтении может возникнуть ощущение, что он не исчез бесследно и что определение ква-

лификации деяния подозреваемого — это практически аналог института привлечения лица в качестве обвиняемого, который содержательно остался прежним, но реализуется в условиях новой формы в отношении подозреваемого, а не обвиняемого. В частности, постановлением о квалификации деяния подозреваемого формируются первоначальные пределы производства по уголовному делу (ст. 204 УПК РК), которые при определенных условиях могут быть изменены посредством составления нового постановления о квалификации деяния (ст. 207 УПК РК); предоставляется возможность стороне обвинения предельно конкретизировать существо уголовного преследования в форме подозрения, а стороне защиты защищаться от сформулированного подозрения; вынесение постановления о квалификации деяния подозреваемого выступает гарантией права на защиту подозреваемого (ч. 2 ст. 203 УПК РК) и позволяет расширить возможности применения в отношении преследуемого лица мер пресечения, которые до этого момента применялись в исключительных случаях на срок до 10 суток и по отдельным категориям преступлений до 30 суток (ч. 1 ст. 139 УПК РК). Обращает на себя внимание тот факт, что среди обстоятельств, которые должны быть указаны в постановлении о квалификации деяния подозреваемого, законодатель Республики Казахстан обязывает указать доказанную *виновность* лица в совершении деяния, *форму его вины и мотивы* совершенного деяния (ст. ст. 204, 113 УПК РК). Одновременно с этим детальное изучение института квалификации деяния позволяет увидеть отличия в двух институтах, не только применительно к форме, но и применительно к содержанию.

Так, в частности, уголовное преследование в пределах современного российского уголовного судопроизводства осуществляется в форме подозрения и в форме обвинения. При этом законодатель не сформулировал по определенным причинам понятие «подозрение», истолковав при этом «обвинение» через качественно иное понятие — «*утверждение* о совершении определенным лицом деяния...», подчеркивающее иной уровень правоотношений. Необходимо учитывать, что в основе и подозрения, и обвинения лежит тезис о причастности лица к совершению преступления. Разница лишь в степени обоснованности этого тезиса. На этапе подозрения этот тезис носит вероятностный характер — тезис-предположение, а на этапе предъявления обвинения этот тезис приобретает принципиально другой оттенок — тезис-утверждение, трансформированный в обвинение. Таким образом, уголовно преследуемое лицо на досудебном производстве предстает сначала в статусе подозреваемого, а затем в статусе обвиняемого.

Для уголовного процесса Республики Казахстан характерно, что уголовное преследование реализуется в форме подозрения на протяжении всего расследования, т. е. непосредственно до момента, который связан с оконча-

нием производства по делу, а именно до момента утверждения прокурором обвинительного акта. В отличие от российского уголовного процесса в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан обвиняемый появляется лишь на окончательном этапе производства по делу, что в свою очередь подчеркивает возможность формулирования обвинительного тезиса в итоговом документе предварительного расследования, определяющем пределы судебного разбирательства. Вынося постановление о квалификации деяния, следователь не «порождает» качественно нового участника уголовного судопроизводства — обвиняемого, изблечение которого становится приоритетом в деятельности компетентных должностных лиц (как это происходит при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе). С вынесением постановления о квалификации деяния преследуемое лицо продолжает оставаться до окончательного этапа производства по делу в статусе подозреваемого, которого профессор Л. В. Головки справедливо предлагает именовать «подозреваемый № 2»¹. Таким образом, мы наблюдаем реорганизацию порядка формулирования обвинения, при котором окончательную квалификацию дает прокурор.

Обращает на себя внимание также тот факт, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, несмотря на его предварительный характер в рамках уголовно-правового аспекта, следователь, основываясь на *достаточных доказательствах*, формулирует *утверждение* о совершении определенным лицом конкретного преступления («уверенность» в неоспоримости выдвинутого им обвинительного тезиса о виновности лица), что вступает в противоречие с принципом презумпции невиновности.

Одновременно с этим постановление о квалификации деяния подозреваемого предполагает наличие *достаточных доказательств*, подтверждающих *подозрение* в отношении лица о совершении им преступления. Одновременно с этой позицией даже анализ содержания норм ст. ст. 113, 204 и п. 22 ст. 7 УПК РК, завязанных в основе своей на понятиях «обвинение», «виновность», позволяет прийти к выводу, что законодатель Республики Казахстан взял за основу позицию Европейского суда по правам человека, который *уголовное обвинение* использует в ином значении и понимает под ним «официальное *уведомление* лица компетентными властями о наличии предположения о том, что им совершено уголовное преступление»², что идет вразрез с позицией российского законодателя.

¹ Головки Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4.

² Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель» (Engel) и другие против Нидерландов, § 82 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 114.

Таким реформированием института привлечения лица в качестве обвиняемого законодатель Республики Казахстан прекратил все споры относительно права следователя делать какие-либо юридически значимые выводы о виновности обвиняемого. При такой позиции спор о формальном и материальном подходе к основаниям привлечения лица в качестве обвиняемого себя, как представляется, исчерпал.

При сегодняшнем подходе законодателя Республики Казахстан, который воспринял правовую позицию Европейского суда по правам человека, в институте *определения квалификации деяния подозреваемого* сформулировано неформальное определение обвинения, где «подчеркнута связь прав на защиту и на справедливое судебное разбирательство и обеспечена возможность пользоваться этими правами предельно широкому кругу лиц, *независимо от наличия у них формального статуса обвиняемого*»³ (курсив наш. — Е. К.).

Между тем основная проблема так и осталась неразрешенной — проблема возможности применения меры пресечения к подозреваемому на длительный срок, а не на 10 суток в качестве исключения. Сегодня возможность применения к лицу меры пресечения ставится в зависимость от факта выдвигания в отношении него обвинения. Однако потребность избрания меры пресечения возникает на разных этапах расследования, а чаще как раз на ранних, когда лицо еще обвиняемым не выступает. И следователь вынужден предъявлять обвинение (в некоторых случаях поспешное), чтобы мера пресечения в отношении преследуемого лица действовала длительный срок. Не решил эту проблему и законодатель Республики Казахстан. В условиях нового института квалификации деяния мера пресечения применяется на длительный срок лишь к подозреваемому, в отношении которого вынесено постановление о квалификации деяния, а до этого момента мера пресечения применяется к подозреваемому на срок 10 суток.

Таким образом, мы считаем возможным констатировать, что законодатель Республики Казахстан, преобразовав институт привлечения в качестве обвиняемого в институт квалификации деяния, усовершенствовал форму, сохранив частично его традиционное содержание. Тем не менее и институт привлечения в качестве обвиняемого, и институт квалификации деяния, несмотря на масштабное реформирование, нуждаются в дальнейшем усовершенствовании, главное — четко понимать, что именно мы желаем видеть в результате этих преобразований.

³ Там же. С. 114.

А. А. Лукьянова

ЗНАЧЕНИЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Освещаются проблемы оценки доказательств, полученных в результате производства следственных действий с участием потерпевшего. Автором акцентировано внимание на необходимости проверки в некоторых случаях психофизиологических особенностей потерпевшего, его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Таким средством оценки представляется производство психиатрической судебной экспертизы в отношении потерпевшего. Имея важное значение в доказывании по уголовным делам, процессуальная форма принудительной психиатрической судебной экспертизы потерпевшего в условиях стационара до настоящего времени остается не урегулированной законом.

Ключевые слова: экспертиза; доказывание; показания потерпевшего; оценка доказательств; принуждение; уголовное судопроизводство.

Потерпевший от преступления — ключевая фигура как в материальном, так и в процессуальном праве. Являясь непосредственным участником преступного события, выступая в качестве субъекта правоотношений, охраняемых законом, или имея лишь связь с объектом преступного посягательства, входящим в преступные последствия, указанное лицо неотвратимо подлежит вовлечению в орбиту уголовного судопроизводства.

Потерпевший является практически неисчерпаемым «ресурсом» для познавательной деятельности следователя (дознателя) по установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Посредством производства следственных действий с участием потерпевшего процессуальную форму обретают такие предусмотренные законом источники доказательств, как показания потерпевшего или протокол следственного действия (например, проверки показаний на месте, очной ставки, предъявления для опознания).

В ходе расследования уголовного дела в условиях доказательственного дефицита, если объективно отсутствует возможность восполнить заложенный фундамент иными источниками, у должностного лица фактически нет права на ошибку в оценке имеющихся доказательств. Например, когда возникшие сомнения относительно правдивости получаемой от потерпевшего информации могут быть обоснованы не желанием умышленно исказить события, а психофизиологическими особен-

ностями самого потерпевшего, способностью (а вернее, ее отсутствием) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать соответствующие действительности показания. В этой ситуации формальная оценка показаний потерпевшего без дополнительного экспертного исследования психического состояния лица может негативным образом отразиться на результате расследования. При этом проблематичным является производство такого исследования при отсутствии согласия самого испытуемого. Неразрешенной до настоящего времени остается проблема, связанная с принудительным помещением потерпевшего в стационар для производства психиатрической судебной экспертизы.

Умышленно не углубляясь в дискуссию, касающуюся отдельных вопросов теории доказывания, автору необходимо задать вектор его дальнейшим умозаключениям. Все вышеперечисленные следственные процедуры подразумевают физический контакт с живым лицом (потерпевшим) как объектом познания. Используя вербальное общение в качестве средства познавательной деятельности в совокупности с легитимизованной уголовно-процессуальным законом формой, следователь (дознатель) совершает очередной шаг на пути к достижению основополагающей цели — установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Обоснованной в такой ситуации является позиция К. В. Муравьева, который относит положение «обязанность всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела» к числу принципов уголовного процесса, отражающих способ уголовно-процессуального доказывания, и поддерживает необходимость закрепления соответствующей нормы в главе УПК РФ. При этом автор связывает указанное положение с категорией «истина», а точнее, с истинностью (соответствием действительности) установленных фактических обстоятельств¹. Несмотря на то что в условиях современного состязательного процесса следователь (дознатель) законодателем отнесен к стороне обвинения, в пределах компетенции данного представителя власти находится максимум гарантированных государством возможностей, необходимых для принятия законного и обоснованного итогового процессуального решения.

В соотношении с закрепленным в уголовно-процессуальном законе принципом свободы оценки доказательств, подразумевающим императивное требование, адресованное в том числе к следователю (дознателю), указанная выше идея является гарантией баланса между эффективным уголовным преследованием и защитой автономии личности от

¹ *Муравьев К. В.* Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. М., 2019. С. 121–133.

необоснованного ее ограничения. Справедливым представляется вывод о том, что предписанное нормой права, содержащейся в ст. 17 УПК РФ, правило оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, и сообразно закону и совести предполагает и обязательность использования его (правила) каждодневно.

Возвращаясь к такому «ресурсу» для познавательной деятельности, как потерпевший, и соответствующим производным источникам доказательств (показаниям потерпевшего, протоколам следственных действий с его участием), необходимо обратить внимание на то, что на таких этапах доказывания, как «проверка» и «оценка», анализу должны подвергаться не только процессуальная форма (проведенная следственная процедура) и содержание доказательства на соответствие критерию истинности, но и сам ресурс — потерпевший и его психофизиологические особенности, способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания.

Ю. К. Якимович справедливо обращает внимание на то, что не каждое показание лиц, страдающих психическими недостатками, следует исключать из числа доказательств. Однако необходимо подходить к этим показаниям критически с учетом психического состояния этих лиц на момент дачи показаний². Нередко потерпевшими оказываются лица, ведущие аморальный образ жизни, злоупотребляющие спиртными напитками, склонные к конфликтам, спорам, неуважению к окружающим. Потерпевшие вообще внушаемы больше, чем свидетели, особенно тогда, когда внушаемые сведения соответствуют их интересам³. Психоэмоциональное состояние лица в момент восприятия событий и обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также в момент воспроизведения знания об указанных обстоятельствах (событиях) в ходе следственного действия качественным образом влияет на соответствие истинности получаемого следователем (дознавателем) доказательства.

Единственное доподлинное средство оценки способности потерпевшего правильно воспринимать окружающую действительность и давать соответствующие действительности показания о событиях и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, видится в использовании специальных познаний в области психиатрии путем производства соответствующей судебной экспертизы в отношении потерпевшего.

² Якимович Ю. К. Избранные статьи. Томск, 2006. С. 71.

³ Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения : монография. Новосибирск, 2012. С. 211.

В свете изложенного представляется, что существующие правовые пробелы в регламентации процессуальной формы и условий, при наличии которых потерпевший может быть принудительно помещен в медицинскую организацию для производства психиатрической судебной экспертизы, требуют решения, что позволит на этапах доказывания качественно оценивать не только соответствие процедуры получения доказательств требованиям закона, но и когнитивные способности самого потерпевшего.

Я. М. Мазунин, П. Я. Мазунин

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ ПО ДЕЛАМ ОБ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблемы, связанные с наличием пробелов в материалах дознания и предварительного следствия, и предлагаются пути их решения во время судебного разбирательства.

Ключевые слова: *организованная преступная деятельность; судебное и предварительное следствие; пробелы в материалах предварительного расследования; доказательство.*

Одним из видов типовых судебно-следственных ситуаций, складывающихся в суде при рассмотрении дел об организованной преступной деятельности, являются ситуации, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия.

Если в судебном разбирательстве по делам об организованной преступной деятельности выявляются существенные пробелы дознания или предварительного следствия, без устранения которых невозможно правильно разрешить дело, они должны быть восполнены. Такое утверждение основывается прежде всего на анализе уголовно-процессуального законодательства (ст. ст. 302, 305 и 307 УПК РФ), требующего для подтверждения виновности или невиновности совокупности исследованных доказательств.

Данное утверждение можно подкрепить разъяснением Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре», в котором указывается, что «судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть поставлен на достоверных до-

казательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»¹.

В связи с этим нельзя не согласиться с А. Бараком, полагающим, что «подход Монтескье, согласно которому судья — просто рот, повторяющий язык права, более неприемлем, и дни „механического“ подхода к судейству прошли... важность вопроса о судейском усмотрении возрастает»². Возрастает и роль субъективного фактора в процессе судебного следствия, который может оказывать активное воздействие на породившие его объективные условия. Он в состоянии препятствовать продвижению вперед или, напротив, ускорять развитие.

Мы согласны с мнением ученых, которые среди признаков правоприменения и его содержания выделяют свойство, состоящее в том, что, несмотря на строгую правовую регламентацию, правоприменительная деятельность имеет творческий характер. Это обусловлено ее оценочно-познавательной направленностью, потребностью принятия процессуальных решений с учетом особенностей и многообразия фактических обстоятельств, необходимостью руководствоваться правосознанием и др.³

В связи с восполнением в судебном разбирательстве неполноты предварительного расследования возникает ряд вопросов. В каких ситуациях возможно восполнить непосредственно в судебном разбирательстве пробелы предварительного следствия? На ком лежит обязанность восполнения таких пробелов, выявленных в судебном разбирательстве? Каким образом они могут быть восполнены?

Отвечая на вопрос о возможности восполнения непосредственно в судебном разбирательстве пробелов предварительного следствия, на наш взгляд, необходимо руководствоваться ст. 252 УПК РФ (о пределах судебного разбирательства) и ст. 237 УПК РФ (о возвращении уголовного дела прокурору). При этом следует учитывать постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан», в котором Конституционный Суд тонко и дипломатично формально подтвердил свою ранее выраженную позицию и прямо не опроверг законода-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 574.

² Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 10.

³ Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 25 ; Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967. С. 153 ; Наумов А. В. Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С. 5–15.

теля в вопросе о возвращении уголовного дела судом на дополнительное расследование⁴. Исходя из смысла действующего законодательства во время судебного разбирательства не могут быть восполнены пробелы, связанные с привлечением к уголовной ответственности лиц, которым не предъявлено в ходе предварительного расследования обвинение (ч. 1 ст. 252 УПК РФ), а также с изменением обвинения, если этим ухудшается положение подсудимого и нарушается право на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ)⁵.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством суд, будучи лишенным возможности направить дело для производства дополнительного расследования (за исключением случаев возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, указанных в ст. 237 УПК РФ), по окончании судебного следствия обязан постановить оправдательный или обвинительный приговор, разрешив при этом прежде всего вопросы о доказанности наличия деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, совершения деяния, являющегося преступлением, подсудимым и т. п. (ст. 299 УПК РФ). Таким образом, суд вынужден более тщательно и глубоко исследовать обстоятельства уголовного дела, особенно в тех случаях, когда он ранее в соответствии со ст. 308 УПК РСФСР мог направить уголовное дело для производства предварительного расследования и таким образом уклониться от постановления приговора.

Это в свою очередь требует пересмотра многих подходов к обозначенной проблеме. Например, если ранее существовала рекомендация о том, что невосполнимой в суде могла быть признана такая неполнота расследования, для устранения которой «требуется, в частности, проведение следственных действий, связанных с собиранием новых доказательств или установлением других лиц, причастных к совершению преступления, либо производство следственных действий в другой местности или в значительном объеме»⁶, то в настоящее время суд имеет право проводить следственные действия, связанные лишь с собиранием новых доказательств виновности или невиновности подсудимого в пределах предъявленного обвинения, и проверку их достоверности, в том числе и уже имеющихся доказательств. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что на практике существует (и у сторон, и у судей) недооценка возможностей судебного след-

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Возможные ситуации, складывающиеся в связи с этим во время судебного разбирательства, достаточно подробно рассмотрены А. Барановым (*Баранов А. Обеспечение законности и справедливости судебных решений // Уголовное право. 2003. № 1. С. 8–10*).

⁶ *О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2. С. 10.*

ствия, выражающаяся порой в неумении или нежелании выйти за пределы доказательств, собранных предварительным следствием.

Отвечая на вопрос о том, на ком лежит обязанность восполнения во время судебного разбирательства пробелов предварительного следствия, полагаем, что с учетом состязательности процесса (каким должно быть российское судопроизводство) эта обязанность лежит главным образом на сторонах обвинения и защиты и прежде всего на обвинителе. Это обусловлено тем, что, как правило, неполнота предварительного расследования связана с необходимостью восполнения недостатков именно обвинительной деятельности, а обязанность отыскания доказательств обвинения в судебном разбирательстве лежит на обвинителе, каковым и является прокурор.

Разумеется, сторона защиты также вправе и даже обязана в интересах защиты подсудимого принимать меры к восполнению пробелов расследования. Однако, учитывая то, что при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на вынесение оправдательного приговора либо на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования. В этих ситуациях допустима форма защиты в виде отстаивания интересов подсудимого без восполнения пробелов следствия, так как исходя из этих обстоятельств суд обязан следовать принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 49 Конституции Российской Федерации.

Важное значение имеет вопрос о том, каким образом могут быть восполнены в судебном разбирательстве пробелы предварительного расследования.

Изучение научной литературы, посвященной исследованию ситуаций судебного следствия, связанных с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия⁷, а также анализ главы 37 УПК РФ показывают, что тактические возможности суда значительно меньше, чем на стадии предварительного расследования, что связано с особенностями судебного следствия по сравнению с предварительным. Это прежде всего ограниченное число следственных действий, которые могут быть проведены в суде, жестко формализованная процедура судебного следствия, что влияет на возможность применения многих тактических приемов, имеющих в арсенале следователя во время предварительного расследования. Тем не менее восполнение пробелов в материалах предварительного следствия возможно при проведении таких судебных действий, как допросы (ст. ст. 275, 277, 278, 280, 282 УПК РФ), производство судебной экспертизы

⁷ *Веретехин Е. Г.* Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988 ; *Гавло В. К., Воронин С. Э.* Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Барнаул, 2000 ; и др.

(ст. 283 УПК РФ), осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), приобщение к материалам уголовного дела документов, представленных суду (ст. 286 УПК РФ), осмотр местности и помещений (ст. 287 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ), освидетельствование (ст. 290 УПК РФ).

Можно выделить два направления деятельности суда, связанных с восполнением пробелов предварительного расследования по делам об организованной преступной деятельности: во-первых, за счет тщательного исследования доказательств, уже имеющихся в деле: более подробных допросов подсудимых, потерпевших, свидетелей по поводу обстоятельств, недостаточно выясненных или вызывающих сомнение; допроса эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения; назначения экспертизы, в том числе дополнительной или повторной; осмотра приобщенных к делу вещественных доказательств; оглашения и исследования документов и т. д.; во-вторых, путем привлечения новых доказательств, необходимых для выяснения недостаточно исследованных или вновь возникших вопросов.

Помимо этого, разрешению рассматриваемой судебной-следственной ситуации в большой степени способствует появившаяся у суда функция судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования. Однако появление данной процессуальной функции, на наш взгляд, в недостаточной степени способствует поисково-познавательной активности оперативных работников в уголовном судопроизводстве, особенно когда при некоторых следственных ситуациях возникает необходимость в оперативном сопровождении уголовного дела органом, осуществляющим ОРД.

М. М. Матвеев

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ В СТРУКТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Рассмотрены некоторые вопросы повышения эффективности контроля и записи переговоров в структуре специальной тактической операции. Исследуются ситуации проведения данных тактических операций, которые характеризуются отсутствием у следователя иных средств выявления обстоятельств, скрывааемых подозреваемыми (обвиняемыми).

Ключевые слова: контроль и запись переговоров; тактическая операция; иные переговоры.

Рассматриваемая в настоящей статье тактическая операция проводится в ситуациях, характеризующихся отсутствием в распоряжении следствия иных, кроме контроля переговоров, средств выявления обстоятельств, скрываемых подозреваемыми (обвиняемыми). В связи с ограниченным объемом статьи иные виды тактических операций и их вариации не рассматриваются автором, приводится ограниченный круг следственных ситуаций.

Среди подобных ситуаций могут быть выделены условия оказания противодействия расследованию группой лиц. Такие ситуации формируются, когда подозреваемые (обвиняемые) скрывают место нахождения разыскиваемого соучастника и поддерживают связь с ним непосредственно или через посредника. Приведем пример одной из таких ситуаций, которая характеризуется наличием сведений, косвенно свидетельствующих о поддержании названных контактов. К ним прежде всего можно отнести результаты личных наблюдений следователя за поведением субъекта, скрывающего место нахождения разыскиваемых объектов: в ходе допроса субъект проявляет неуверенность в ответах на вопросы о том, где находятся искомые объекты, а также при предъявлении данных, подтверждающих его осведомленность.

К основаниям рассматриваемых предположений могут быть отнесены и сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, о том, что указанные субъекты избегают пользоваться служебным, домашним, мобильным телефонами, уклоняются от встреч с лицами, с которыми постоянно и охотно общались, и т. п. Такие субъекты нередко опасаются, что имеющиеся у них средства связи могут контролироваться органами расследования, а в их окружении находятся лица, способные умышленно или невольно разгласить известные им сведения.

В некоторых ситуациях поступают сведения о том, что указанные лица регулярно посещают определенные места или контактируют с лицами, ранее не входившими в круг их общения.

Описанные условия являются благоприятными для принятия решения о рефлексивном управлении поведением субъекта противодействия в рамках тактической операции, путем стимулирования у него желания воспользоваться контролируруемыми каналами связи.

Структура рассматриваемых тактических операций отличается определенным своеобразием. Значительная часть мероприятий, стимулирующих желание субъекта противодействия воспользоваться контролируемыми средствами связи, носят вспомогательный характер по отношению к контролю и записи переговоров. Целью этих мероприятий является формирование у названных лиц желания использовать указан-

ные технические средства связи. В то же время эти мероприятия носят комплексный характер и взаимосвязаны. Результативность одних влияет не только на содержание, но иногда и на возможность проведения других. С этих позиций перечисленные действия можно вместе с контролем и записью переговоров рассматривать как определенную специальную операцию, являющуюся элементом более крупной тактической операции по отысканию искомых объектов и скрывающихся от следствия лиц. В рамках этой операции контроль и запись переговоров сами играют вспомогательную роль. В результате успешного проведения этого следственного действия может быть получена информация о месте нахождения искомых объектов. Вспомогательными являются также такие действия, как обыск, проводимый в целях изъятия скрываемых предметов, документов, или задержание разыскиваемых подозреваемых (обвиняемых). Центром же подобных операций являются допросы подозреваемых (обвиняемых), полностью или частично отрицающих свою вину, используя факт сокрытия определенных предметов и людей. Обнаружение этих объектов может быть использовано для преодоления оказываемого противодействия. Иногда для пресечения противодействия требуется проведение дополнительных следственных действий, направленных на установление связи субъектов и найденных предметов. Они могут предъявляться для опознания свидетелям, которые видели их у субъектов противодействия, подвергаться экспертному исследованию для обнаружения на них следов противодействующего лица и т. д.

По своему содержанию описанные операции несколько отличаются от комплексов следственных, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, направленных на обнаружение скрывающихся от следствия субъектов. Содержание последних в большей степени сходно с составом операций, в структуру которых включаются контроль и запись переговоров, осуществляемых как в тайне от всех его участников, так и с участием некоторых из них.

При этом внешне контроль и запись переговоров носят в большей степени вспомогательный характер, поскольку лишь создают условия для задержания скрывающихся лиц. В то же время именно в ходе контроля и записи переговоров могут быть получены данные о месте нахождения названных субъектов, что является основанием для производства поисковых мероприятий в помещениях и на территориях, где скрываются разыскиваемые лица. В ситуациях, когда они находятся на участках местности или в помещениях, доступ в которые затруднен, его собственники, владельцы либо другие лица могут противодействовать не только обследованию, но и просто доступу сотрудников органов расследования, воз-

никает необходимость проведения обыска. Фактическими основаниями для проведения этого следственного действия могут быть данные, полученные в ходе контроля и записи переговоров.

Задержание разыскиваемых субъектов представляет собой лишь один из видов мер процессуального принуждения, в результате применения которого, вероятно, не осуществляется ни собирание, ни проверка доказательств. Это процессуальное действие представляет собой завершающий этап рассматриваемой тактической операции. С этих позиций контроль и запись переговоров приобретают значение одного из основных элементов описываемой тактической операции, поскольку при его проведении собирается либо проверяется доказательственная информация. Необходимо отметить, что процесс извлечения этой информации имеет свои особенности, раскрытие которых не предусмотрено целью настоящей статьи.

Д. С. Мерлаков

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Анализируются подходы к классификации участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Предлагается разделение субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, на лиц, его ведущих, и лиц, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; прокурор; следователь; руководитель следственного органа; дознаватель; орган дознания; досудебное производство.

В теории уголовно-процессуального права и правоприменительной деятельности остается неразрешенным вопрос относительно понятия «субъект, осуществляющий досудебное производство». УПК РФ не содержит исчерпывающего разъяснения по исследуемой проблеме. На наш взгляд, определение присущих соответствующим субъектам признаков и свойств позволит выявить их сущность, понимание которой будет способствовать единообразному толкованию рассматриваемой процессуальной категории. Знание сущности позволит классифицировать лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, определить их связи и пределы компетенции. Значение классификации состоит в том, что она

формирует более четкое представление о месте и роли каждого субъекта в уголовном процессе, объеме его прав и обязанностей. Это в свою очередь может служить условием надлежащей реализации участниками судопроизводства своих процессуальных прав и обязанностей.

В пункте 58 ст. 5 УПК РФ используется термин «участники уголовного судопроизводства», т. е. лица, принимающие участие в уголовном процессе. Таковыми могут являться любые субъекты, у которых возникают определенные права и обязанности на стадии как возбуждения уголовного дела, так и последующего производства по уголовному делу. Во втором разделе УПК РФ указаны следующие участники: суд; участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения; участники уголовного судопроизводства со стороны защиты; иные участники. К стороне обвинения законодателем отнесены прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представитель потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя.

Многие авторитетные ученые придерживаются точки зрения, что данная классификация не учитывает того, что отнесение следователя и дознавателя к стороне обвинения не всегда обоснованно, так как указанные субъекты в силу исполнения своих прав и обязанностей устанавливают обстоятельства, как обвиняющие, так и исключающие преступность и наказуемость деяния, что вытекает из ст. ст. 73, 85 и 86 УПК РФ.

Так, Ю. В. Деришев справедливо отмечает, что «возлагая на следователя и дознавателя обязанности уголовного преследования, сложно требовать от них получения всесторонне, объективно и полно исследованных материалов уголовного дела, так как материалы односторонне произведенного с обвинительным уклоном уголовного преследования, полученные в ходе предварительного расследования, могут оказаться «беззащитными» в суде»¹. Принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела не нашел отражения в УПК РФ, что, в свою очередь, по мнению В. А. Азарова, может привести к «дезориентации органов уголовного преследования, могущей еще больше упрочить позиции «обвинительного уклона» в их деятельности»². По мнению Л. В. Головки, «ни следователь, ни прокурор, ни даже дознаватель стороной обвинения,

¹ Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России : монография. Омск, 2004. С. 60.

² Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2003. Вып. 6. С. 83.

вопреки тексту УПК РФ, не являются. Ею является исключительно государственный обвинитель, т. е. прокурор, но только тогда, когда он утвердил обвинительное заключение и дело поступило в суд»³. Ю. К. Якимович считал, что это связано с тем, что в УПК РФ провозглашен принцип состязательности как основной принцип уголовного процесса, распространяющий свое действие, в том числе и на стадию предварительного расследования, в связи с чем следователь и дознаватель вместо функции предварительного расследования выполняют функцию обвинения⁴. Исследуя указанную проблему, он пришел к выводу, что действующее конституционное и уголовно-процессуальное законодательство устанавливает состязательность только как принцип судебного производства, а дознаватель, следователь, прокурор в досудебном производстве не должны быть участниками обвинения и должны осуществлять не функцию обвинения, а функцию объективного всестороннего и полного расследования⁵.

Встречаются и другие классификации. Так, В. Н. Шпилев классифицировал участников уголовного процесса на тех, кто выполняет уголовно-процессуальные функции; лиц, ведущих уголовный процесс, и при этом не имеющих никакого личного интереса в деле⁶.

К. В. Муравьев и А. В. Писарев по способу вовлечения субъектов в уголовное судопроизводство выделяют лиц: 1) принимающих в нем участие в силу должностных обязанностей; 2) реализующих субъективные права по своему волеизъявлению; 3) принимающих участие по воле должностного лица; 4) участвующих в производстве в результате поручений других субъектов⁷.

Ю. К. Якимович предлагал выделить таких участников, как 1) суд; 2) государственные органы и должностные лица, ответственные за производство по уголовному делу; 3) лица, отстаивавшие в уголовном процессе свои или представляемые права и интересы; 4) иные лица, которые являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности, но не относятся к числу участников уголовного процесса⁸.

Профессор Л. В. Головкин использует термин «лицо, ведущее производство по уголовному делу», указывая, что взаимосвязь уголовного дела

³ См. подробнее: *Головкин Л. В.* Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.

⁴ *Якимович Ю. К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 61.

⁵ *Якимович Ю. К.* Избранные труды. СПб., 2011. С. 526–528.

⁶ *Шпилев В. Н.* Участники уголовного процесса. М., 1970. С. 13–15.

⁷ *Муравьев К. В., Писарев А. В.* Участники уголовного судопроизводства : учеб. пособие. Омск, 2011. С. 7–8.

⁸ *Якимович Ю. К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 15.

и такого лица возникает с момента возбуждения дела и принятия его конкретным следователем или дознавателем к своему производству⁹. В целом с таким подходом мы согласны.

Однако, анализируя указанные точки зрения ученых, считаем, что целесообразно использовать такой термин, как «субъекты, осуществляющие уголовное досудебное производство», которые появляются на стадии возбуждения уголовного дела и продолжают осуществлять свою деятельность в стадии предварительного расследования. Г. П. Химичева определяет уголовно-процессуальную деятельность в стадии досудебного производства «как урегулированную уголовно-процессуальным законом систему процессуальных действий и процессуальных решений по рассмотрению сообщений о преступлении и предварительному расследованию уголовных дел»¹⁰.

Иными словами, субъекты, осуществляющие уголовное досудебное производство, рассматривают сообщения о преступлении, производят неотложные следственные действия, дознание, предварительное следствие.

Используя общенаучный метод систематизации знаний — классификацию, считаем целесообразным разделить субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, на две группы: 1) ведущих уголовное досудебное производство; 2) осуществляющих контрольно-надзорные функции в досудебном производстве.

Суть рассматриваемого подхода заключается в том, что при всех различиях в процессуальных полномочиях указанных субъектов имеется ряд общих процессуальных прав и обязанностей.

В досудебном производстве прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия и, безусловно, относится к субъекту, осуществляющему контрольно-надзорные функции.

Руководителя следственного органа, уполномоченного производить допрос подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), целесообразно отнести к субъекту, осуществляющему контрольные функции в досудебном производстве. Так как если руководитель

⁹ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 78–79.

¹⁰ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 15.

следственного органа принимает уголовное дело к своему производству, то в процессуальном смысле он становится следователем.

У дознавателя процессуальными начальниками являются начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, их тоже следует отнести ко второй группе — субъектам, осуществляющим контрольно-надзорные функции.

Кроме того, необходимо выделить контроль, осуществляемый судом за законностью и обоснованностью действий и решений субъектов, осуществляющих досудебное производство, связанных с ограничением конституционных прав и обеспечением доступа к правосудию. Полагаем, что к субъектам, осуществляющим контрольно-надзорные функции, целесообразно относить не только участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, перечисленных нами ранее, но и суд.

Приведенная классификация субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство, не может предусмотреть все ситуации, возникающие в процессе взаимодействия, однако она позволит четко определить и разграничить их компетенцию. Исследование проблем совершенствования процедурного и организационно-правового построения досудебного производства, классификации его субъектов требует изучения точного понятия и содержания данной составляющей уголовного судопроизводства, соотношения с иными, принципиально сопрягающимися категориями и правовыми институтами.

К. В. Муравьев, В. В. Олейник

ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: КОЛЛИЗИИ И РЕШЕНИЯ

Авторы отмечают, что порядок возбуждения частного уголовного преследования характеризуется рядом противоречивых положений. Предлагаются подходы, позволяющие в большей степени учесть интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; потерпевший; частное уголовное преследование; частный обвинитель.

1. В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 318 УПК РФ возбуждение частного уголовного преследования осуществляется путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем (в случае смерти — близким родственни-

ком) в суд в отношении конкретного лица. Законодатель рассматривает отсутствие информации о личности правонарушителя у потерпевшего как показатель его неспособности самостоятельно защищать свои права.

Постановлением от 27 июня 2005 г. № 7-П Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Основному закону страны отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве обязанности прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступлений, отнесенных к категории дел частного обвинения, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности¹. Следовательно, отказ потерпевшему в осуществлении уголовного преследования в обычном (в данном случае частно-публичном) порядке, если потерпевший не желает самостоятельно реализовать свое право на частное уголовное преследование, является неправомерным².

В определении от 29 мая 2014 г. № 1120-О³ (и более поздних решениях) Конституционный Суд РФ указал, что возбуждение уголовного дела частного обвинения и производство по нему должностными лицами выступает как дополнительная гарантия защиты прав потерпевшего; данный порядок предусмотрен в качестве альтернативного и применяется лишь тогда, когда потерпевший по делу частного обвинения не может защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью своего законного представителя либо представителя.

Очевидно, что отсутствие у потерпевшего данных о личности правонарушителя не означает отсутствие возможности и желания осуществлять частное преследование как таковое.

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Подробнее см.: *Кальницкий В. В.* Конституционный Суд РФ о порядке возбуждения и рассмотрения дел частного обвинения // Законодательство и практика. 2005. № 1. С. 34.

³ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Полосьмак Алены Геннадиевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и пятой статьи 318, частью третьей статьи 389⁶, пунктом 5 части первой статьи 389¹¹, пунктом 3 части первой и частями второй, четвертой и пятой статьи 389¹² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение от 29 мая 2014 г. № 1120-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вряд ли можно согласиться с предложением внести «изменения в законодательство, при которых потерпевший по делам частного обвинения только заявлял бы о привлечении правонарушителя к уголовной ответственности, а функция по формированию уголовного дела частного обвинения ложилась на органы дознания, дабы нивелировать... практику формирования полностью дела частного обвинения мировым судьей»⁴. Однако полагаем, что потерпевший должен обладать возможностью выбора порядка уголовного преследования (возбуждать частное преследование или частно-публичное, т. е. воспользоваться помощью органов дознания в ситуациях, когда невозможно подробно описать обстоятельства преступного деяния, указать сведения о своем обидчике, дать уголовно-правовую квалификацию, а также в случаях нежелания самостоятельно осуществлять обвинение)⁵.

2. Согласно ч. 8 ст. 318 УПК РФ если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора. Акцентируем внимание, что законодателем используется союз «и», предполагающий совместное участие.

Полагаем, что в данном случае прокурор не приобретает статуса государственного обвинителя. Исходя из п. 1 ч. 4 ст. 321 УПК РФ, вести речь о поддержании обвинения государственным обвинителем можно лишь в ситуациях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ и ч. 3 ст. 318 УПК РФ. Этот вывод подтверждается и тем, что вступление прокурора в дело не лишает стороны права на примирение (ч. 4 ст. 318 УПК РФ). Кроме того, согласно ч. 3 ст. 246 УПК РФ по рассматриваемой категории дел обвинение в судебном разбирательстве поддерживает потерпевший. Участие же государственного обвинителя обязательно (помимо дел публичного и частно-публичного обвинения) при разбирательстве уголовного дела частного обвинения, только если производство возбуждено следователем либо дознавателем с согласия прокурора.

Таким образом, при подаче заявления потерпевшим, который в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причи-

⁴ *Перекрестов В. Н.* Некоторые проблемы рассмотрения дел частного обвинения, предусмотренных частью 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция.* 2015. № 4. С. 146.

⁵ Подробнее см.: *Муравьев К. В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 309–310.

нам не может защищать свои права и законные интересы, порядок преследования зависит от того, когда было обнаружено это обстоятельство: если до принятия заявления, он будет публичным, если после — остается частным. Это представляется как минимум нелогичным. Исходя из позиции Конституционного Суда РФ о применении публичного порядка по делам частного обвинения лишь в исключительных случаях, следует устранить безальтернативность при принятии заявления потерпевшего, который не может самостоятельно защищать свои интересы: если существует возможность их защиты законным представителем или прокурором, следует принимать заявление с привлечением их к участию в деле.

3. В соответствии с ч. 1 ст. 43 УПК РФ лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, и поддерживающее обвинение в суде, является частным обвинителем (при этом в ч. 1 ст. 318 УПК РФ оно именуется потерпевшим). Согласно же ч. 7 ст. 318 УПК РФ лицо, подавшее заявление, становится частным обвинителем с момента принятия судом жалобы к своему производству, о чем выносится соответствующее постановление.

Противоречивость указанных формулировок дала основания отдельным авторам утверждать, что лицо приобретает процессуальный статус потерпевшего и частного обвинителя с момента подачи заявления в суд⁶. С этим утверждением вряд ли возможно согласиться.

Дело частного обвинения считается возбужденным не тогда, когда подана жалоба, а когда мировой судья выносит постановление о ее принятии. Как отмечает Е. Г. Васильева, законодателем был избран компромиссный вариант, частично удовлетворяющий требованиям и состоятельности, и публичности: уголовное дело возбуждается совместными действиями путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем (участники со стороны обвинения) и принятием этого заявления мировым судьей (должностное лицо) к своему производству (ст. 318 УПК РФ)⁷.

Полагаем, что статусы потерпевшего и частного обвинителя приобретаются лицом одновременно с момента вынесения судом постановления о принятии заявления.

⁶ Мартынич Е. Г. Производство по уголовным делам частного обвинения: прерогативы и особенности мировой юстиции // Российский судья. 2003. № 7. С. 13–14.

⁷ Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография. М., 2013. С. 418.

4. В литературе поднимался вопрос о возможности отказа потерпевшему в принятии заявления по основаниям, указанным в ст. 24 УПК РФ. Высказывалось мнение, что принятию судьей жалобы к производству должна предшествовать проверка в целях установления основания возбуждения дела, которая позволит правильно определить подсудность и подтвердить тот факт, что из содержания заявления действительно усматривается состав преступления, подпадающий под категорию дел частного обвинения⁸. Вместе с тем отказ в возбуждении уголовного дела может быть вызван только ненадлежащим оформлением жалобы⁹. Постановление мирового судьи о принятии заявления потерпевшего не отвечает признакам, присущим актам о применении уголовного закона: оно играет лишь организующую роль¹⁰.

Таким же образом складывается и судебная практика. Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 3 Пролетарского района г. Саранска Республики Мордовия от 21 мая 2015 г. Ш. отказано в принятии заявления о привлечении лица к ответственности по ч. 1 ст. 116 УК РФ и постановлено направить указанную жалобу начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Усмотрев в описании деяния потерпевшим хулиганский мотив, мировой судья указал, что дела, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, относятся к категории публичного обвинения. Суд апелляционной инстанции отменил постановление, указав на недопустимость отказа в принятии заявления по данному основанию, а также на то, что направление материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения возможно лишь в случае установления в ходе судебного заседания признаков преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, с вынесением постановления о прекращении уголовного преследования (ч. 6 ст. 321 УПК РФ)¹¹.

⁸ Орлова А. Производство по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 39.

⁹ Нестеров В. Альтернативный порядок подачи заявлений по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 42 ; Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Волгоград, 2005. С. 110.

¹⁰ Подробнее см.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 305–307.

¹¹ Апелляционное постановление Пролетарского районного суда г. Саранска (Республика Мордовия) № 10-11/2015 от 28 августа 2015 г. по делу № 10-11/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dfHIRSNJJGra/> (дата обращения: 25.03.2020).

СОЗДАНИЕ ДОНСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Освещаются предпосылки создания прокуратуры Земли Войска Донского. Уточняется дата образования прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура; образование прокуратуры; история правоохранительных органов.

В настоящее время днем создания прокуратуры Российской Федерации официально считается 12 января, поскольку в этот день в 1722 г. на основе Указа Петра I при Правительствующем Сенате была учреждена должность генерал-прокурора¹. Однако это неверно. В Указе Президента России от 29 декабря 1995 г. № 1329, учредившем День работника прокуратуры Российской Федерации², не учтена конвертация исчисления дат «со старого стиля»: к событиям XVIII в. полагается добавить 11 суток для учета перехода на «новый стиль», произведенного в 1918 г. Поэтому Днем работника прокуратуры логичней считать 23 января, хотя, наверное, можно пожертвовать хронометрическим признаком исторической достоверности, так как главным в Указе от 29 декабря 1995 г. № 1329 остается морально-психологический посыл патриотического характера, подчеркивающий преемственность поколений работников отечественной прокуратуры.

В то же время в 2022 г. российской прокуратуре исполнится 300 лет, и вышеотмеченная неточность может быть исключена путем издания нового Указа Президента Российской Федерации, уточняющего предшествующий, что, по мнению автора, было бы уместно. В связи с этим следует напомнить, что, например, 300-летие российской полиции официально состоялось 5 июня 2018 г., хотя нормативный правовой акт, с даты утверждения которого ведется летоисчисление, был подписан Петром Великим 25 мая 1718 г.³ Итак, дата образования российской полиции исторически достоверна, так как апробирована с учетом положений прикладной исторической дисциплины (научного направления) «Хронометрия», а российской прокуратуры — пока нет.

Другой особенностью генезиса прокуратуры является то, что еще до официального создания функции, ею выполняемые, успешно отправляли иные государственные органы, а также военная администрация, которой в пределах своей экстерриториальности нередко вменялись разнородные

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 6. № 3877.

² Об установлении дня работника прокуратуры Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 5. № 3203.

обязанности, в том числе судебные и полицейские. История возникновения органов прокуратуры в отдельных субъектах Российской Федерации имеет свою специфику, отражающую региональные доминанты государственного и общественного развития, а также сложившуюся практику правового регулирования общественных отношений.

В связи с этим, помимо изучения истории российской прокуратуры (центрального аппарата), остается важным проведение той же работы в региональном измерении, особенно с учетом доминировавшего в Российской империи принципа правового плюрализма. Ведь в досоветской России принцип всеобщего распространения права во времени, в пространстве и по кругу лиц носил диспозитивный характер. Законодатель в правотворчестве учитывал особенности правового менталитета местного населения, и это развенчивает один из навязанных отечественной историографии мифов: «Россия — тюрьма народов, а император — тюремщик одной трети земного шара»⁴.

Одним из специфических субъектов в составе Российской империи было Донское казачье войско, именовавшееся в 1793–1870 гг. Землю Войска Донского. Впрочем, в результате «административно-территориального препарирования» советской власти этот исторический регион к настоящему времени оказался разделен между Ростовской, Волгоградской, Донецкой и Луганской областями. Однако Нижний Дон, где всегда размещался административный центр края, находится в составе Ростовской области, и это дает основание говорить об историческом преемстве прокуратуры Земли Войска Донского и прокуратуры Ростовской области, а также о допустимости использования по отношению к ней ономастического термина «Донская прокуратура».

Зарождение Донской прокуратуры сопровождалось длительным процессом распространения на территорию, занимаемую Донским казачим войском, российского законодательства. С учетом политики правового плюрализма этот процесс растянулся с 1671 по 1920 гг., причем нижняя хронологическая рамка — это принятие донскими казаками присяги на верность царю Алексею Михайловичу (крестное целование), а верхняя — установление в крае советской власти. Важным регулятором общественных отношений в указанный период всегда являлось обычное право донских казаков.

Между тем предпосылки для генезиса донской прокуратуры стали складываться только в 1696 г., когда Петр I завоевал турецкую крепость Азов и казаки, размещавшиеся вверх по Дону, оказались под военно-политическим надзором государственной власти. Впрочем, к тому времени прокуратуры не было даже в Центральной России, как и в 1711 г., когда после неудачного Прутского похода Азов пришлось вернуть (Сенат, где в 1722 г. учредили

⁴ Адольф де Кюстин. Россия в 1839 г. / пер. с фр. СПб., 2008.

должность генерал-прокурора, появился в преддверии Прутского похода), а взамен него перевести «государево око», надзиравшее за донским казачеством, в «Монастырский транжемент». В 1730 г. гарнизон преобразовался во вновь построенную крепость Святой Анны, а в 1761 г. — Святого Дмитрия Ростовского. Обер-комендант крепости до 1775 г. отвечал за обеспечение законности на территории Войска Донского, поскольку никакого другого должностного лица или официального органа, существовавшего в крае для надзора за соблюдением российского законодательства, не было.

Однако в 1775 г. в Войске Донском появилось Войсковое гражданское правительтельство, осуществлявшее свою деятельность на базе законов, но с соблюдением привилегий, данных казакам. В 1796 г. взамен данного органа учредили Войсковую канцелярию, в которую согласно Указу императора Павла I от 11 июня 1800 г. впервые был определен войсковой прокурор, на правах, тождественных губернскому прокурору⁵. Дата 11 июня 1800 г., или 23 июня «по новому стилю», является исторически достоверной и вполне обоснованно может считаться Днем работника донской прокуратуры⁶.

Таким образом, события и факты, связанные с возникновением донской прокуратуры, подчеркивают необходимость изучения истории правоохранительных органов Российской Федерации не только в интегративном общегосударственном значении, но и с учетом регионального измерения, калейдоскоп которого позволит получить объективную картину прошлого.

В. В. Николюк, А. А. Ломакина

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В порядке постановки научной, правовой и прикладной проблемы обозначаются уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты досудебного производства по уголовным делам о преступлениях против половой

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 26. № 19447.

⁶ Мызников А. Д., Небрatenко Г. Г. Управление Донского казачьего войска до учреждения прокурорского надзора // Прокуратура Ростовской области на рубеже веков. Ростов н/Д, 2000.

неприкосновенности несовершеннолетнего. Рассматриваются перспективные направления дальнейшей детализации криминалистической методики расследования указанных преступлений. Акцент сделан на особенностях назначения отдельных видов судебных экспертиз, следственной профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Ключевые слова: *несовершеннолетний; половая неприкосновенность; расследование преступлений; методика расследования; следственная профилактика.*

Согласно официальным данным статистической отчетности¹ в 2018 г. совершено 14,2 тыс. преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и их половой свободы (в 2017 г. — 13,5 тыс.), расследовано — 12,8 тыс., а 11,3 тыс. уголовных дел о таких преступлениях направлено в суд с обвинительным заключением. Совершено 1598 изнасилований (расследовано — 1523), 5,6 тыс. насильственных действий сексуального характера (расследовано — 5,1 тыс.). Имели место 138 деяний, связанных с понуждением к действиям сексуального характера (расследовано — 113), 5 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ (расследовано — 4,5 тыс.), 1,8 тыс. развратных действий (расследовано — 1,3 тыс.).

В период с 2014 по 2018 гг. в России за совершение особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего с квалификацией их по ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ осуждено 232 лица (троим осужденным назначено пожизненное лишение свободы), имеющих судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего и состоявших на учете в органах внутренних дел в связи с установлением в отношении них административного надзора (2014 г. — 37; 2015 г. — 33; 2016 г. — 46; 2017 г. — 54; 2018 г. — 62)².

Приведенные данные наглядно свидетельствуют, что показатели преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетнего остаются стабильно высокими. В 2018 г. выявлялись и расследовались практически все деяния, предусмотренные главой 18 УК РФ. Основная доля (10,6 тыс., или 64,6%) приходится на преступления, квалифицируемые по ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера) и по ст. 134 УК РФ (половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не до-

¹ Форма «1-П» (455), книга 11 «Сводный отчет по России „Сведения о преступлениях, по которым имеются потерпевшие“». 2017–2018 гг.

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ: Отчет «О видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» за 2014–2018 гг. Форма № 10.3.

стигшим шестнадцатилетнего возраста). Поэтому актуальными остаются вопросы обеспечения надлежащего процессуально-криминалистического сопровождения расследования указанных преступлений.

Отдельный интерес представляют ситуации, когда требуется дать правовую оценку бездействию должностных лиц, ставшему одной из причин, способствовавших совершению особо тяжкого преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего ранее судимым за аналогичное деяние лицом, в отношении которого судом был установлен административный надзор.

В последние годы осуществлена модернизация российского уголовно-процессуального законодательства, установлен ряд новых правил проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»)³, которые кардинально изменили ставшим привычным порядок их производства. Фактически в УПК РФ введен особый порядок досудебного производства по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Создание особого процессуального механизма расследования указанных уголовных дел, элементами которого уже являются специальные правила производства допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте (ч. 4 ст. 191 УПК РФ), случаи обязательного назначения экспертизы (п. 3¹ ст. 196 УПК РФ), участие за счет государства адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего (ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ), предполагает поиск (отбор) соответствующих тактических приемов использования указанных правил, необходимость разработки рекомендаций, носящих комплексный характер, затрагивающих обозначенные проблемы, которые позволили бы повысить эффективность работы органов предварительного расследования при раскрытии и расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Для этого требуется:

— структурировать правовые основы криминалистической методики расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего как основного источника формирования и развития данной методики;

— дать характеристику нормам уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, полицейского и иного законодательства,

³ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6997.

определяющего границы и содержание криминалистической методики расследования данного вида преступлений, показать их системное единство и «логические разрывы»;

— выявить современное состояние теоретических представлений о криминалистической методике расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего и возможности (направления) ее дальнейшей детализации;

— в условиях закрепления в УПК РФ особого порядка досудебного производства по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего определить векторы и приоритеты в деятельности следователя при расследовании преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ;

— сформулировать выводы и рекомендации, отражающие особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз (установление соответствия возраста несовершеннолетнего его внешним данным; установление способности малолетним и несовершеннолетним потерпевшим давать показания; судебно-психологическая экспертиза достоверности показаний несовершеннолетнего потерпевшего по видеоматериалам следственных действий; исследование признаков беспомощного состояния потерпевшей);

— подготовить научно-практические рекомендации по применению видеозаписи допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний несовершеннолетнего потерпевшего, доказыванию возможности осознания подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего возраста потерпевшего;

— разработать новую доктринальную модель обеспечения следователем участия адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовных делах о преступлениях против половой неприкосновенности;

— подготовить предложения о внесении изменений и дополнений в ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ, пп. 8 и 10 ст. 25 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴, направленные на совершенствование нормативной основы оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним потерпевшим по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности;

⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— обосновать теоретические положения, образующие содержание следственной профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, предложить рекомендации по правовой оценке бездействия должностных лиц, ставшего одной из основных причин совершения особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего ранее судимым за аналогичные деяния «административно поднадзорным»;

— подготовить методические рекомендации, направленные на совершенствование преподавания учебных дисциплин «Криминалистика» и «Уголовный процесс».

Методологическая часть такого исследования может опираться на следующие гипотезы.

1. Основное содержание рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних определяется нормативным комплексом, действующим в системном единстве и ориентированным на главу 18 УК РФ. Правоприменительная практика, юридическая наука как источники криминалистических методик жизнеспособны и имеют прикладную значимость лишь в границах соответствующего правового поля.

2. В главе 18 УК РФ заложена примерная программа расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Имея некоторое сходство, обозначенные деяния индивидуальны, что объективно исключает разработку универсальной методики их расследования. Дальнейшее формирование методик расследования каждого из преступлений в этой сфере происходит в условиях проблемного уголовно-правового регулирования. В настоящее время новые рекомендации ожидаемы и актуальны на уровне применения квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 131–135 УК РФ, которые генерируют специфику работы с доказательствами.

3. В российском уголовно-процессуальном законодательстве впервые за всю историю его развития реализуется уникальный проект, связанный с введением особого порядка досудебного производства по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В рамках криминалистического сопровождения данного проекта должны быть разработаны и предложены тактические приемы (рекомендации) использования дополнительных процессуальных процедур, применяемых в этих делах в отношении потерпевшего, его законного представителя, представителя, подозреваемого, обвиняемого.

4. Криминалистическая методика расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, получив в тече-

ние последних 20 лет серьезное развитие, окончательно еще не сформировалась, не предлагает «точечных» рекомендаций по многим актуальным вопросам, возникающим в досудебном производстве по уголовным делам указанной категории, требует дополнительной детализации сразу по нескольким направлениям, в том числе:

1) применению видеозаписи допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний несовершеннолетнего потерпевшего;

2) назначению отдельных видов судебных экспертиз;

3) доказыванию осведомленности (возможности осознания) подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего возраста потерпевшего;

4) обеспечению следователем участия адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовных делах о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего;

5) следственной профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

5. Требуется совершенствования нормативная основа оказания бесплатной квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним потерпевшим по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

6. Для целей предупреждения особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, совершаемых ранее судимыми за аналогичные деяния лицами, в отношении которых осуществлялся административный надзор, профилактический потенциал имеют положения ч. 2 ст. 155 УПК РФ, предусматривающей выделение из расследуемого уголовного дела материалов, содержащих сведения о новом преступлении, для их проверки и принятия решения в порядке ст. ст. 144 и 145 УПК РФ. Они позволяют следователю инициировать уголовное преследование должностных лиц, преступное бездействие которых стало одной из причин, способствовавших совершению указанных преступлений. Представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ), для этих целей не предназначено.

При таких подходах появляется возможность обеспечить реальное воздействие соответствующего нормативного комплекса на формирование методики расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, создать предпосылки к формулированию новых доктринальных положений в этой области уголовного процесса и криминалистики, разработать на их основе научно-практические рекомендации, детализирующие указанную частную криминалистическую методику.

А. В. Павлов, С. В. Супрун

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖИЛИЩА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО УСТАНОВЛЕНИЯ ДО НАЧАЛА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится достаточных признаков понятия жилища, позволяющих органу предварительного расследования, прокурору и суду отграничивать его от нежилого помещения, что в досудебном производстве порождает проблему установления правового статуса помещения до начала его осмотра в качестве места происшествия и снижает эффективность обеспечения конституционного права граждан на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: жилище; жилое помещение; нежилое помещение; иное помещение; временное проживание; осмотр жилища как места происшествия.

В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»¹ (далее — постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19) при разрешении ходатайств о производстве осмотра в жилище судам следует исходить из понятия жилища, содержащегося в п. 10 ст. 5 УПК РФ: «Жилище — индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

Изучение правоприменительной практики показало, что органы предварительного расследования не всегда устанавливают правовой статус жилого помещения и тем самым ставят под сомнение правомерность его осмотра как места происшествия до возбуждения уголовного дела. Так, в рамках проверки сообщения о незаконной игорной деятельности сотрудники полиции произвели осмотр места происшествия в помещении без получения согласия находящихся там лиц и судебного решения. При этом сотрудниками полиции не была дана надлежащая оценка имеющимся документам: копии технического паспорта на жилой дом; копии свидетельства о государственной регистрации права, согласно которой объек-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

том права является жилой дом. Исследование этих материалов позволяло установить, что осматриваемое помещение является жилищем².

В ситуациях, когда статус объекта осмотра (жилище или иное помещение) не является очевидным, следует принять меры по его установлению. Необходимые сведения могут быть получены в информационном центре МВД России, на сайте Росреестра в режиме онлайн, а также в информационно-поисковой системе «Следопыт-М», входящей в состав ИСОД МВД России. Если принятыми мерами установить статус помещения не представилось возможным, то в случае, не терпящем отлагательства, целесообразно проводить осмотр места происшествия в жилище в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, с последующим уведомлением суда и прокурора.

В другой ситуации следователь не дал соответствующей оценки материалам уголовного дела, которые позволяли установить правовой статус комнаты, являющейся объектом осмотра места происшествия. Не выяснив, выступает ли это помещение жилищем, следователь его осмотрел в качестве места происшествия без получения согласия проживающего в нем лица, в то время как данное помещение было жилищем³.

Еще один пример. Сторона защиты пыталась придать статус жилища открытым для общего доступа помещениям, на которые не распространяются гарантии неприкосновенности жилища. В качестве места происшествия осматривалось открытое для общего доступа помещение, используемое для временного размещения отдыхающих. Суд, признав протокол осмотра законным, указал, что в данном случае право на неприкосновенность жилища не ограничивалось и не требовалось получения согласия на осмотр находившихся в помещении лиц или судебного решения⁴.

Рассмотрим основные элементы понятия «жилище» и ответим на имеющиеся вопросы.

1. Какие объекты следует относить к нежилым помещениям, входящим в состав индивидуального жилого дома, на которые распространяется правовой режим жилища? Расположенные на территории индивидуального домовладения нежилые помещения, конструктивно обособленные от жилого дома, но используемые для обеспечения жизнедеятельности

² Кассационное постановление Президиума Нижегородского областного суда от 15 июля 2015 г. № 44У-65/2015 4У-531/2015. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2019) ; Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 11 сентября 2018 г. № 22К-1294/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

³ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 11 сентября 2018 г. № 22К-1294/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 сентября 2018 г. № 22-2253/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

проживающих в нем лиц, могут быть отнесены к жилищу *при условии, что установлен факт их использования для временного проживания*⁵.

Так, нежилое помещение, расположенное на территории индивидуального домовладения (сарай, баня, гараж и т. п.), не будет являться жилищем, если оно конструктивно обособлено от индивидуального жилого дома и при этом специально не приспособлено, не оборудовано для проживания⁶. Вместе с тем следует признать жилищем пристроенный к индивидуальному жилому дому гараж. Структурно обособленный от индивидуального жилого дома гараж будет являться жилищем, только если он был специально приспособлен, оборудован для проживания.

2. Что следует понимать под входящим в жилищный фонд жилым помещением, используемым для временного проживания?

При определении места временного проживания предполагается использование помещения именно в целях проживания. Например, такое понимание жилища соответствует решению Европейского суда по правам человека (далее — Европейский суд) «Ментеш и другие против Турции», который признал жилищем заявительницы принадлежащий ее свекру дом в деревне, в котором она временно проживала во время ежегодных приездов в деревню, в том числе в тот день, когда дом был уничтожен силами безопасности⁷. В качестве места временного пребывания человека следует считать номер гостиницы (дома отдыха, санатория, пансионата)⁸.

3. Что следует понимать под иным помещением или строением, не входящим в жилищный фонд, но используемым для временного проживания? Данный вопрос является дискуссионным. Относятся ли к жилищу трейлеры (дома на колесах), купе поезда, каюта судна, палатки и пр.? Как отметил Конституционный Суд РФ, условием отнесения нежилых помещений и строений, не входящих в жилой фонд, к жилищу служит *факт их*

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 166-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Ментеш и другие против Турции : постановление Европейского суда по правам человека от 28 ноября 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

использования для временного проживания⁹. При решении этого вопроса следователю целесообразно обратить внимание на наличие в таких объектах мебели, необходимой для проживания, и места для сна (кровать, раскладушка, матрас и т. д.). Может иметь значение также наличие продуктов и средств для приготовления и употребления пищи — бытовой техники, столовых приборов и пр. При этом данное строение должно использоваться именно как жилище, а не хранилище (например, сарай, где лежат шезлонги, раскладушки в собранном виде). В любом случае к признанию вышеуказанных объектов жилищем следует подходить индивидуально¹⁰.

Европейский суд признал в качестве жилища фургоны, размещенные заявительницей на принадлежащем ей участке земли, в которых она проживала со своей семьей¹¹. Жилищем могут выступать палатки (размещение лиц, пострадавших от стихийного бедствия; лиц, претендующих на статус беженцев, вынужденных переселенцев, до предоставления жилого помещения из фонда жилья для временного поселения).

Помещения, признаваемые жилищем, могут находиться и на транспортном средстве, предназначенных в том числе и для временного проживания. Каюта туристического теплохода, совершающего морской или речной круиз, во время которого туристы проживают на теплоходе, должна признаваться жилищем. В то же время купе поезда, каюта судна и т. п. на транспортном средстве, которое не имеет другого предназначения, кроме перевозки пассажиров и грузов, и оборудовано спальными местами в целях повышения удобства (комфорта) проезда в нем, не может рассматриваться как жилище. Верховный Суд Российской Федерации отметил, что данные помещения предназначены только для временного нахождения, а не проживания в них¹².

⁹ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 166-О.*

¹⁰ *Баркалова Е. В.* Особенности производства осмотра места происшествия по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, типичные тактические и процессуальные ошибки и способы их устранения // Уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-разыскной деятельности и судебная экспертиза. 2016. № 3(44). С. 21–25.

¹¹ *Бакли против Соединенного Королевства* : постановление Европейского суда по правам человека от 25 сентября 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)* : п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Местом жительства гражданина, относящегося к коренному малочисленному народу Российской Федерации, ведущему кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющего места, где он постоянно или преимущественно проживает, может быть признано одно из поселений (по выбору данного гражданина), находящихся в муниципальном районе, в границах которого проходят маршруты кочевий данного гражданина, с учетом перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденного Правительством Российской Федерации¹³. На временных стоянках они устанавливают чумы, юрты, яранги, которые следует признавать жилищем.

Подводя итог изложенному, отметим, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, закрепляющем правовой статус жилища, должны содержаться его дополнительные признаки, позволяющие органу предварительного расследования, прокурору и суду более четко отграничить жилое помещение от нежилого. Включение в уголовно-процессуальное понятие жилища дополнительных признаков, на наш взгляд, позволит повысить эффективность соблюдения и обеспечения конституционного права граждан на его неприкосновенность при проверке заявлений (сообщений) о преступлениях и расследовании уголовных дел.

И. П. Пилюшин

ИЗБРАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Рассматривается новая мера пресечения, введенная в УПК РФ в 2018 г., — запрет определенных действий. Исследуются ее сущность, условия применения. Делается вывод о низкой эффективности данной меры пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения; запрет определенных действий; гуманизация уголовной политики.

¹³ Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В 2018 г. в УПК РФ была введена новая мера пресечения — запрет определенных действий. Запрет определенных действий — это обязанность обвиняемого, подозреваемого (далее — обвиняемый) своевременно являться по вызовам следователя, дознавателя (далее — следователь), соблюдать один или несколько наложенных судом запретов, предусмотренных законом, а также контроль за соблюдением обвиняемым этих запретов. Сущность данной меры пресечения заключается лишь в частичном ограничении повседневной жизнедеятельности обвиняемого путем наложения на него одного или нескольких запретов. Здесь не происходит полной изоляции лица, как это имеет место, например, в случае избрания меры пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу.

Возникает вопрос о том, чем руководствовался законодатель, разрабатывая новую меру пресечения. В юридической литературе отмечается, что данная мера пресечения якобы обеспечит положительный экономический эффект, так как позволит сократить расходы государства на содержание обвиняемых под стражей и выплаты в счет возмещения вреда, связанного с нарушением прав человека при заключении под стражу, даст возможность следователям и судам более гибко подойти к вопросу ограничения прав обвиняемых¹. На наш взгляд, эти аргументы являются спорными. Очевидно то, что расширился перечень мер пресечения. Полагаем, что целью разработки новой меры пресечения стало дальнейшее послабление принуждения в уголовном процессе, создание более щадящих, комфортных условий для обвиняемых. В связи с этим скорее мы согласимся с тем, что причиной тому была идея гуманизации современной уголовной политики и уголовного судопроизводства². Запрет определенных действий представляет мягкий вариант домашнего ареста, замыкающим перечень мер пресечения, которые избираются по судебному решению. Кроме того, причиной возникновения новой меры пресечения явилось дальнейшее расширение альтернативы такой меры пресечения, как заключение под стражу, избрание которой обрастает новыми ограничениями.

Основу запрета определенных действий составляют:

— запрет обвиняемому выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором он проживает;

¹ Сальникова О. Н. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Аллея науки. 2018. Т. 2, № 5. С. 794.

² Петровских А. С., Смахтин Е. В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 19.

- запрет обвиняемому находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- запрет обвиняемому общаться с определенными лицами;
- запрет обвиняемому отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- запрет обвиняемому использовать средства связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- запрет обвиняемому управлять транспортным средством.

Характер данных запретов таков, что их принудительная сила напрямую зависит от дисциплинированности, исполнительности обвиняемого, от его желания ревностно соблюдать установленные ограничения. Вряд ли следователю можно рассчитывать на подобное поведение лица, обвиняемого, например, в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При желании обвиняемый сможет беспрепятственно нарушить любой из указанных запретов. В связи с этим данные ограничения не способны пресечь какие-либо неправильные действия обвиняемого. Возникают большие сомнения в востребованности и полезности данной меры пресечения для решения задач уголовного процесса. Мера пресечения эффективна тогда, когда она способна заставить обвиняемого поступать определенным образом, часто против его воли. Эффективность меры пресечения также зависит от возможности надлежащего контроля ее исполнения обвиняемым. Закон указывает, что такой контроль осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией (далее — УИИ). Очевидно, что сотрудник УИИ объективно не способен осуществлять подобную деятельность. Например, чтобы фактически контролировать исполнение запрета на общение с определенными лицами сотрудник УИИ должен круглосуточно находиться с обвиняемым, т. е. непосредственно проживать совместно с ним. Использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средства контроля также не решит проблемы по причине их нехватки и дороговизны³.

Порок содержится в сущности самих запретов, предусмотренных данной мерой пресечения. Их формулировки вызывают вопросы по поводу уяснения и порядка применения запретов. Например, что следует понимать под нахождением обвиняемого в определенном месте? Каким образом нужно определять границу объекта? Какое расстояние следует устанавливать до объекта, как определять это расстояние? Что значит «посещение мероприятия», о ка-

³ Саввина Т. Н., Кучмасова М. С. Проблемы осуществления контроля за исполнением мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3, № 10С. С. 20.

ких мероприятиях может идти речь? Чем посещение мероприятия отличается от участия в нем? Подобные вопросы возникают по каждому запрету, указанному в ст. 105¹ УПК РФ. Возникает вопрос о том, как следователю излагать, обосновывать и мотивировать запреты в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения запрета определенных действий. На наш взгляд, в данной ситуации усматривается правовая неопределенность, на что уже обращалось внимание исследователями⁴.

Необычен подход законодателя в части включения некоторых запретов новой меры пресечения в принудительный потенциал таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Так, суд с учетом данных о личности обвиняемого, фактических обстоятельствах уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста может установить запреты, предусмотренные пп. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, например запрет на общение с определенными лицами и (или) запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений. Здесь мы сталкиваемся с неким комбинированием, когда элементы одной меры пресечения включаются в процессуальный механизм другой меры пресечения. Это напоминает французский вариант континентальной модели видов мер пресечения, заключающейся в том, что правоприменитель одновременно может выбрать сразу несколько мер пресечения, дополняющих друг друга⁵. В силу вышеуказанных пороков новой меры пресечения такое комбинирование вряд ли реально усилит принудительный потенциал залога и домашнего ареста.

На наш взгляд, приращение перечня мер пресечения запретом определенных действий ничего принципиально не меняет в контексте эффективности данных мер. В теории высказываются разные подходы к пониманию их эффективности. Например, ее видят не только в том, насколько мера пресечения обеспечивает надлежащее поведение обвиняемого, а также насколько допускаемое стеснение прав обвиняемого соразмерно с действительно необходимым их ограничением⁶. Эффективность применения таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий, зависит от контроля за соблюдением установленных запретов и ограничений⁷. Считаем, эти критерии нужно искать в следственной практике.

⁴ Николаева М. И. Новая мера пресечения «Запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 119.

⁵ Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др. ; под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 271.

⁶ Лихобабина В. В. Меры пресечения и их место в системе мер процессуального принуждения // Научный альманах. 2015. № 11-4. С. 464.

⁷ Саввина Т. Н., Кучмасова М. С. Указ соч.

Верно отмечено, что законодатель вновь предпринял попытку сместить центр тяжести применения мер пресечения от подписки о невыезде и заключения под стражу⁸. Не секрет, что в досудебном производстве из всех видов мер пресечения активно используются именно эти меры. Следовательно, именно они являются эффективными. Расследуя уголовное дело, следователь неизбежно связан процессуальными сроками, поскольку продление срока предварительного расследования, даже обоснованное, нередко грозит ему неприятностями. В связи с этим следователь нуждается в простых, быстрых процедурах и средствах, которые обеспечивали бы гарантированное участие обвиняемого в уголовном деле. В данном контексте подписка о невыезде и надлежащем поведении, безусловно, эффективна, поскольку избирается и применяется просто и быстро. Следователю необходимо вынести лишь соответствующее постановление и получить от обвиняемого письменное обязательство о том, что он будет себя вести надлежащим образом. Заключение под стражу, несмотря на длительную судебную процедуру избрания, также эффективно, поскольку данная мера пресечения гарантирует надлежащее поведение обвиняемого и его участие в уголовном деле, если, конечно, он не совершит побег из следственного изолятора. Как видно, запрет определенных действий ни одному из данных критериев не отвечает, поэтому вряд ли повысит эффективность мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Г. И. Сафонов, М. О. Медведева

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматриваются возможности, а также особенности анализа и оценки заключения эксперта в уголовном судопроизводстве следователем и судом. Раскрываются причины противоречия результатов экспертизы материалам уголовного дела.

Ключевые слова: оценка заключения эксперта; уголовное судопроизводство; процесс доказывания; судебная экспертиза; эксперт-криминалист.

Споры ученых о возможности и правилах оценки следователем и судом достоверности судебно-экспертного заключения не утихают уже

⁸ Бекетов А. О. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2018. № 2. С. 52.

много лет. Природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки лицу, несущему бремя доказывания, приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от подходов, применяемых при оценке иных доказательств. Практика ставит под сомнение возможность лица, не обладающего специальными знаниями, самостоятельно осуществлять полноценную оценку заключения эксперта.

Р. С. Белкин в работе «Курс криминалистики» утверждал, что «следователь и суд в состоянии оценить лишь полноту заключения, проверить, на все ли поставленные вопросы даны ответы. Ни научную обоснованность, ни правильность выбора и применения метода исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт»¹.

Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина также считают, что следователь может оценить заключение экспертизы только по формальным признакам. Вопрос об оценке заключения эксперта весьма сложен, поскольку следователи не обладают специальными знаниями и им трудно в современных условиях научно-технической революции, когда экспертные методики все усложняются и усложняются, глубоко разобраться в экспертных технологиях².

Однако в специальной литературе высказываются и другие точки зрения. Так, В. А. Лазарева в работе «Проблемы доказывания в современном уголовном процессе» отмечает, что чрезмерное «увлечение» и упование на заключение эксперта таит в себе большую и серьезную опасность. Правосудие не может и не должно носить чисто «технический» характер, а судьи, следователи, дознаватели и прокуроры не должны быть всего лишь «оформителями» тех решений, которые, в сущности, будут приниматься на уровне специальных (экспертных) знаний³.

Оценка заключения эксперта представляет собой мыслительную деятельность по изучению и анализу информации, содержащейся непосредственно в экспертном исследовании и приложении к нему⁴. В работах российских ученых называется множество самых различных критериев,

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 124.

² Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011. С. 45.

³ Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе. Самара, 2007. С. 249.

⁴ Степаненко Д. А., Полянская В. А. К вопросу об оценке заключения эксперта-психолога // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 37–40.

с помощью которых может устанавливаться достоверность результатов экспертизы. В частности, проверка:

- 1) компетентности и незаинтересованности эксперта;
- 2) пригодности и достаточности объектов исследования;
- 3) научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном случае;
- 4) полноты проведенного исследования и заключения эксперта;
- 5) логичности и непротиворечивости проведенного исследования и сделанных выводов;
- 6) взаимосвязи с другими доказательствами по делу⁵.

Справедливо отмечает Е. Р. Россинская, что качество экспертного заключения напрямую зависит от компетентности, добросовестности, беспристрастности, объективности судебного эксперта⁶. Достаточно важно оценить личность эксперта, его квалификацию и компетентность в решении поставленных перед ним вопросов, что в практическом смысле означает установить наличие у него специального образования, определенной специализации и опыта работы по ней. При этом законодатель дает полный перечень обстоятельств, при которых возможен отвод эксперта.

Многие ученые-криминалисты указывают, что проверку пригодности и достаточности объектов исследования осуществляет следователь после получения заключения эксперта. Это является несколько неточным, так как, по нашему мнению, объекты для исследования собирает и представляет следователь, поэтому уже на этапе принятия и реализации тактического решения о назначении экспертизы он должен оценить имеющиеся объекты с точки зрения их пригодности и достаточности, что является его обязанностью. Эксперт, получив материалы экспертизы, также обязан оценить достаточность представленных объектов для решения поставленных вопросов. В случаях недостаточности представленных эксперту материалов для решения поставленных вопросов последний составляет ходатайство, которое в установленном порядке направляется лицу (органу), назначившему экспертизу.

Относительно научной обоснованности экспертной методики ученые высказывают прямо противоположные мнения. Так, ряд ученых

⁵ О критериях достоверности заключения эксперта подробнее см.: *Оценка заключения. Экспертный центр при Институте судебных экспертиз и криминалистики*. URL: <http://www.ceur.ru/library/articles/item100427/> (дата обращения: 20.10.2019); *Прилузова В. А. Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе*. М., 1959. С. 74–159; *Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование*. М., 1967. С. 88–124; и др.

⁶ *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Указ. соч. С. 122.*

считает, что следователь может и должен оценить, насколько правильно применена та или иная экспертная методика. Другие исследователи утверждают, что проверку научной обоснованности и состоятельности экспертного исследования и заключения можно осуществить только путем привлечения другого специалиста⁷.

Проверка полноты заключения эксперта представляет собой анализ заключения с точки зрения соответствия его установленной форме. Заключение эксперта включает вводную, исследовательскую части и выводы.

Во вводной части заключения эксперта указываются: сведения об экспертном учреждении или подразделении; дата, время и место проведения экспертизы, ее номер, наименование и вид; сведения об эксперте (фамилия, имя и отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность); основания производства экспертизы (вид, дата вынесения постановления, номер дела (материала), краткое изложение обстоятельств дела, по которому оно вынесено); сведения об органе или лице, назначившем экспертизу; предупреждение или сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; данные о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы; объекты исследований и материалы, представленные для производства экспертизы, наличие и состояние их упаковки; сведения о ходатайствах эксперта о представлении дополнительных материалов и результатах их рассмотрения с указанием дат их заявления и получения; вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов (в формулировке постановления).

В исследовательской части заключения эксперта отражаются содержание и результаты исследований, в том числе: обстоятельства дела, имеющие значение для дачи заключения и принятые экспертом в качестве исходных данных; содержание этапов исследования с указанием методов исследования, использованных технических средств и расходных материалов, условий их применения и полученные результаты. Приводятся краткая характеристика использованных устройств, материалов, режимов съемки и печати, а для средств цифровой фотографии — вид, модель, производитель использованного аппарата; вид, наименование, версия программного обеспечения, режим получения и печати изображений; сведения о примененных методиках, которыми эксперт руководствовался при разрешении поставленных вопросов; цели, условия и результаты проведенных экспериментов (если они проводились) и получения образцов; оценка отдельных этапов исследования, анализ полученных ре-

⁷ Апостолова Н. Н. Специальные знания в современном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 10. С. 24–28.

зультатов в целом, обоснование и формулирование выводов; выявленные экспертом по собственной инициативе существенные обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы; причины невозможности решения отдельных вопросов в полном или требуемом в постановлении объеме.

Выводы заключения эксперта должны содержать краткие, четкие, однозначные ответы на все поставленные перед экспертом вопросы и установленные им в порядке инициативы значимые по делу обстоятельства.

Т. В. Аверьянова указывает⁸, что выводы эксперта должны быть однозначными, понятными, все части его заключения — согласованы между собой, не противоречить друг другу. Эксперту необходимо давать ответы только на поставленные ему в постановлении вопросы, выводы должны вытекать из результатов проведенного исследования, быть логически правильно выстроены и формулироваться в соответствии со специальными знаниями и по внутреннему убеждению эксперта. Эксперт должен не описывать факты, как они происходили, а объяснять их происхождение, излагать свое мнение об этих фактах. Если эксперт это делает, значит, он познал механизм и закономерность образования следов, т. е. нашел стабильные и индивидуальные признаки объекта, совокупность которых представляет собой то достаточное основание, которое необходимо для достоверного вывода эксперта.

Противоречия между результатами экспертизы и материалами уголовного дела могут быть объяснены несколькими причинами:

- 1) допущена экспертная ошибка;
- 2) представленные на экспертизу исходные данные ошибочны;
- 3) существующая у следствия версия произошедшего ошибочна (полностью или частично).

При оценке заключения эксперта, которое противоречит материалам уголовного дела, следователь еще раз должен оценить исходные данные, по которым была назначена судебная экспертиза. Для проверки этих данных возможно производство следственного эксперимента, в ходе которого опытным путем проверяется точность имеющихся исходных данных. Такие действия позволят дать объективную оценку полученному заключению эксперта и определить, что является ошибочным — первоначальная следственная версия или анализируемое заключение эксперта⁹.

⁸ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2006. С. 244–277.

⁹ Надоненко О. Н. Заключение эксперта как основание для выдвижения и проверки версий // Российский следователь. 2015. № 11. С. 45–46.

А. Б. Соколов

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА В БЕСКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Обращается внимание на неоднозначность понимания тактического приема как криминалистической категории и его назначения. Представляется критерий деления возможных ситуаций при допросе на конфликтную и бесконфликтную. На основе изучения теоретического и эмпирического материалов определены тактические приемы допроса в бесконфликтной ситуации, акцентировано внимание на их реализации.

Ключевые слова: тактический прием; допрос в бесконфликтной ситуации; допрос в хронологической последовательности; детализация полученных показаний; смежность; наглядность; контрастность; сходность; психологический контакт.

Результат производства допроса зависит от различных факторов, в том числе от того, в какой ситуации протекает, а также насколько своевременно и верно следователем определен и реализован тот или иной тактический прием.

Сегодня в криминалистике нет единой, общепринятой дефиниции тактического приема. Неопределенность в этом вопросе порождает неясность в рекомендациях по его выбору и применению при производстве следственных действий.

Вопросы, связанные с понятием и содержанием тактического приема, являются предметом многих исследований, результаты которых нашли отражение на страницах периодической печати, учебных и научных изданий. Приведем основные позиции ученых относительно рассматриваемой криминалистической категории. Так, С. П. Митричев, Н. А. Селиванов понимали тактический прием как наиболее целесообразную линию поведения¹. А. Н. Васильев, В. И. Комиссаров указывали в своих работах, что тактический прием представляет собой научную рекомендацию². В. А. Образцов, А. С. Князьков под тактическим приемом понимают способ воздействия, служащий эффективному соби-

¹ Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики. М., 1965. С. 9; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 84.

² Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 33; Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики / под ред. А. И. Михайлова. Саратов, 1987. С. 65; Его же. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2009. С. 49–60.

ранию и использованию информации³. Н. И. Порубов, Е. О. Москвин, М. П. Малютин указывают на то, что тактический прием — наиболее рациональный и эффективный способ действия⁴. Н. А. Якубович, Р. С. Белкин, М. В. Савельева, А. Б. Смушкин отметили в своих работах то, что тактический прием представляет собой наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразную линию поведения следователя⁵.

Присоединимся к позиции ученых, рассматривающих тактический прием как наиболее рациональный и эффективный способ действия. Говоря о тактическом приеме, необходимо исходить из значения понятия «тактический». Из множества приемов и способов осуществления того или иного вида деятельности возможно выделить такие из них, которые позволят достичь намеченную цель более эффективно (с наименьшими временными, материальными потерями и т. д.).

Эффективность производства допроса зависит от ситуации, в которой протекает процесс рассматриваемого следственного действия. Не углубляясь в полемику о понятии и содержании типичных ситуаций, укажем, что они могут быть классифицированы по различным основаниям. Относительно их содержания, с позиции правоприменителя, интересным представляется наличие либо отсутствие конфликта. Исходя из сказанного, при допросе могут возникать бесконфликтная и конфликтная ситуации. Сущность первой состоит в совпадении целей правоприменителя и допрашиваемого относительно установления истины по уголовному делу. Конфликтная ситуация при допросе заключается в частичном либо полном несовпадении целей, т. е. представляет отказ от дачи показаний либо дачу ложных, частично ложных показаний.

Наличие благоприятной (бесконфликтной) ситуации не исключает возможности применения тактических приемов. Их назначение состоит в получении исчерпывающей и объективной информации, имеющей значение для уголовного дела.

³ *Образцов В. А.* Тактический прием как средство познания // *Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Образцова.* М., 2002. С. 345–354 ; *Князьков А. С.* Признаки тактического приема и критерии допустимости его применения // *Вестник Томского государственного университета.* 2012. № 355. С. 101.

⁴ *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С. 123–124 ; *Москвин Е. О.* Тактический прием. М., 2006. С. 19 ; *Малютин М. П.* Тактические приемы в расследовании преступлений. М., 2009. С. 17.

⁵ *Советская криминалистика. Теоретические проблемы.* М., 1978. С. 143 ; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 1997. С. 143 ; *Савельева М. В., Смушкин А. Б.* Следственные действия : учебник для магистров. М., 2012. С. 14.

Анализ результатов проведенного опроса⁶ позволяет определить типичные, реализуемые при допросе в бесконфликтной ситуации тактические приемы:

1) допрос в хронологической последовательности (эффективным использование данного тактического приема считают 89,2% респондентов). Допрашиваемому предлагается вспомнить, чем он занимался в интересующий следователя конкретный день. Последовательно воспроизводя в памяти события этого дня, допрашиваемый может назвать такие факты и обстоятельства, о которых прежде вспомнить было затруднительно;

2) детализация полученных показаний (эффективным использование данного тактического приема считают 100% респондентов). Детальное описание интересующего органы предварительного следствия события может позволить получить дополнительную информацию, которая восполнит имеющиеся пробелы и позволит воспринять обстоятельства дела в целом;

3) смежность (на целесообразность использования данного тактического приема указали 32,1% респондентов). Данный прием позволяет установить определенные сведения о событии или предмете, которые допрашиваемый не помнит, с помощью иных обстоятельств, находившихся в пространственной или временной связи с искомым. Например, когда допрашиваемый не помнит момента прибытия к месту преступления, следователь предлагает ему вспомнить совершаемые им действия до и (или) после устанавливаемого обстоятельства. Среди частных случаев, которые обозначает подозреваемый, выбирается событие, имеющее временную связь с искомым, что позволяет установить временной промежуток;

4) наглядность (рациональным использование данного тактического приема считают 40,4% респондентов). Указанный прием дает возможность получить точную словесную либо цифровую характеристику признака события, действия или предмета. Иногда бывает трудно точно указать цвет предмета, описать его форму, указать расстояние между объектами. Например, допрашиваемый затрудняется указать, откуда был совершены подход, проникновение или убийство с места совершения преступления. Следователь предлагает нарисовать на листе бумаги с изображением фрагмента местности, полученной из электронного справочника карт городов, например «2ГИС», маршрут движения и последовательность действий до, в момент и после совершения преступления (в том числе где было оставлено, реализовано похищенное имущество);

⁶ Опрошено 84 следователя территориальных подразделений Краснодарского, Красноярского и Пермского краев, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской и Челябинской областей.

5) контрастность (эффективным использование данного тактического приема считают 36,9% респондентов). Рассматриваемый прием позволяет установить интересующие следователя сведения о признаках события или предмета, которые допрашиваемый подозреваемый (обвиняемый) затрудняется назвать, путем указания на контрастные признаки (большой или маленький рост; светлый или темный цвет и т. п.). Например, лицо в отношении которого возбуждено уголовное дело, затрудняется описать внешность лица, которому реализовал похищенное имущество. Следователь может попросить допрашиваемого сравнить его рост со своим или ростом самого следователя (по аналогии — раса, пол, цвет волос и т. д.);

6) сходность (оптимальным данный тактический прием считают 29,7% респондентов). Исследуемый прием дает возможность установить сведения о событии или предмете преступного посяательства с помощью аналога. Например, подозреваемый не может описать похищенное имущество (мобильный телефон, ноутбук и т. п.). Следователь должен предложить ему посмотреть на свой мобильный телефон, ноутбук либо продемонстрировать каталоги с указанными предметами (в том числе на соответствующих сайтах интернет-магазинов). В результате применения данного тактического приема допрашиваемый сможет описать признаки предмета хищения.

Помимо знаний о видах и сущности тактических приемов допроса в бесконфликтной ситуации, на успех в их реализации влияет обстановка (атмосфера), в которой протекает рассматриваемое следственное действие. Допрос в бесконфликтной ситуации происходит при установленном психологическом контакте, поэтому, как правило, психологическое напряжение отсутствует. Однако в процессе допроса следователю целесообразно применять контроль и своевременную корректировку своего поведения, что позволит не допустить возникновения неблагоприятной ситуации и последующего ее осложнения, что может привести к трансформации бесконфликтной ситуации в конфликтную, когда допрашиваемый будет не готов продолжать откровенный, конструктивный диалог относительно обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Как правило, к переходу из бесконфликтной в конфликтную ситуацию способствует наличие в действиях следователя грубости, оскорбительных выражений или пренебрежительного тона, нетерпеливости, раздражительности, вспыльчивости, высокомерия. Не допустить конфликт позволят такие свойства личности следователя, как внимательность, корректность, вежливость и сдержанность.

Подводя итог, отметим, что при допросе в бесконфликтной ситуации допрашиваемого не нужно в чем-либо изобличать. Общей задачей допроса является получение достоверных и полных сведений. Оптимальный способ разрешения указанных задач заключается в правильном определении тактического приема и его искусном применении.

С. А. Табаков

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обращается внимание на несовершенство действующего законодательства в части реализации уголовно-процессуальных мер безопасности. Делается акцент на отсутствие четкого определения оснований применения мер защиты от посткриминального воздействия. Отмечается сложность применения положений УПК РФ, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: меры безопасности; государственная защита; основание; возбуждение уголовного дела; достаточные данные; меры пресечения; участники уголовного судопроизводства; угроза; потерпевший; свидетель.

В процессе осуществления уголовного судопроизводства правоприменитель обязан не только обеспечить реализацию его субъектами соответствующих прав, но и создать условия для защиты от возможного незаконного влияния в связи с участием в расследовании уголовного дела.

Действующее законодательство содержит нормативную базу, определяющую основания, условия, порядок, виды средств государственной защиты участников уголовного судопроизводства. В частности, такие положения находят закрепление в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹. Одно из важнейших мест в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства занимает УПК РФ. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, до официального уголовного судопроизводства лица, заинтересованные в деле, могут не обладать сведениями о том, что правоохранительные органы формируют основания для начала такой деятельности. Например, большинство оперативно-розыскных действий, направленных на сбор сведений о возможном факте совершения преступления, имеют негласный характер. Во-вторых, еще до возбуждения уголовного дела участники уголовного судопроизводства начинают получать доступ

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к материалам, в которых могут содержаться данные о лицах, связанных с формированием доказательств. При этом объем таких сведений возрастает по мере приближения к окончанию расследования. Указанные условия создают предпосылки для возникновения незаконного воздействия на участников уголовного судопроизводства.

Фундаментальной нормой в части применения уголовно-процессуальных мер безопасности выступает ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Наряду с перечислением конкретных средств защиты от незаконного воздействия на участников уголовного судопроизводства она закрепляет основание для их реализации. Так, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ определено, что меры безопасности могут быть применены «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия». Мы видим, что законодатель использует оценочную категорию. В законе отсутствуют какие-либо критерии, позволяющие более четко определять наличие оснований для применения мер безопасности. Мало того, ряд других норм УПК РФ, предусматривающих процедуру применения конкретных средств защиты участников уголовного судопроизводства, включают формулировки оснований, отличающиеся от ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Так, ч. 9 ст. 166 УПК РФ допускает производство следственных действий с использованием псевдонима «при необходимости обеспечить безопасность», в ч. 8 ст. 193 УПК РФ предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, допустимо «в целях обеспечения безопасности».

Анализ закона свидетельствует, что ч. 3 ст. 11 УПК РФ не охватывает все меры безопасности, предусмотренные данным кодексом. В частности, п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ закрепляет возможность применения меры пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый, обвиняемый «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства». Если провести сравнительно-правовой анализ формулировки оснований для применения мер безопасности, закрепленной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, то можно обнаружить различные подходы к применению положений закона. В частности, защита участников уголовного судопроизводства путем реализации мер пресечения допускается до реального возникновения угрозы противоправного воздействия. Отметим, что такой подход в использовании средств защиты поддерживается на страницах юридической литературы. Так, Д. А. Воронов констатирует, что государственная защита должна осуществляться тогда, когда возникла возможность противоправного воздействия,

а не состоялась адресная реальная угроза². В связи с этим п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ предоставляет большую гарантию в обеспечении безопасности, чем ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Указанные размышления свидетельствуют о необходимости включения в УПК РФ единой, универсальной формулировки оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Как вариант, в нормах УПК РФ, определяющих конкретные средства защиты участников уголовного судопроизводства от посткриминального воздействия, следует сделать ссылку на то, что они применяются при наличии оснований, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Такой подход обусловлен еще тем, что в рамках одного уголовного дела могут применяться несколько мер безопасности. В частности, одно и то же лицо может быть допрошено с использованием псевдонима, предъявлено для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Специфика правового регулирования в части реализации мер безопасности заключается в том, что ч. 3 ст. 11 УПК РФ находится в главе, посвященной принципам уголовного судопроизводства. Следует поддержать мнение Л. В. Брусницына, согласно которому такое расположение указанной нормы создает предпосылки для включения в УПК РФ положений, обеспечивающих защиту лиц на всех стадиях уголовного судопроизводства³. Реализуя данную идею, в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ законодатель закрепляет, что «при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении». К сожалению, указанное положение закона не подкреплено реальным механизмом его реализации в практической деятельности органов предварительного расследования, не содержит должных гарантий обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ не обязывает должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, разъяснять право на применение уголовно-процессуальных мер безопасности. Об этом свидетельствует формулировка «при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается...».

² Воронов Д. А. Характеристика угрозы посткриминального воздействия как основания для применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2013. № 4. С. 2–10.

³ Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование). М., 2010. С. 200.

Наряду с этим, все другие права, обозначенные в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, подлежат обязательному разъяснению лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении. Данное обстоятельство может приводить к тому, что лицо, обладающее какими-либо сведениями о совершенном преступлении, опасаясь за свою жизнь и здоровье, будет уклоняться от их сообщения сотрудникам органов внутренних дел.

Закрепляя возможность применения мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель упоминает лишь об одном средстве защиты участников уголовного судопроизводства. Речь идет о ч. 9 ст. 166 УПК РФ, предоставляющей возможность производства следственных действий с использованием псевдонима. Полагаем, что реализация данной нормы в действующей редакции при проверке сообщения о преступлении малоэффективна. Можно привести несколько доводов, обосновывающих это. Прежде всего, следует отметить, что ч. 9 ст. 166 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень лиц, в отношении которых может быть применена данная норма. В ней упоминается лишь о потерпевшем, его представителе, свидетеле, их близких родственниках, родственниках и близких лицах. Однако на стадии возбуждения уголовного дела такие участники уголовного судопроизводства отсутствуют. Кроме того, рассматриваемая нами норма УПК РФ позволяет не приводить данные о личности в протоколе следственного действия. Как видно, законодатель определяет вид процессуального документа, в котором могут отсутствовать сведения о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве. Речь идет о протоколе. Если проанализировать ч. 1 ст. 144 УПК РФ, то несложно сделать вывод, что выполнение данного требования возможно только при производстве таких следственных действий, как осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование. Практика подтверждает, что большинство из перечисленных действий не проводится в стадии возбуждения уголовного дела. Наряду с этим маловероятно наличие в протоколах данных следственных действий сведений о лицах, в отношении которых может оказываться незаконное воздействие.

Таким образом, действующее нормативное регулирование превращает возможность обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела в правовую фикцию.

А. Ю. Танков, А. А. Кузнецов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА И СЛЕДОВАТЕЛЯ В ХОДЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ

В ходе раскрытия и расследования краж оперативный сотрудник использует широкий спектр средств и методов получения информации о лицах, причастных к совершению преступления, и местах обнаружения краденого. Оптимальным направлением получения доказательственной информации считается надлежащее взаимодействие со следователем как при реализации материалов оперативной разработки, так и на первоначальном этапе расследования. Применительно к раскрытию и расследованию краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, эффективными видами взаимодействия являются создание дежурных и специализированных следственно-оперативных групп, совместное обсуждение и планирование подготовки, производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, надлежащее исполнение поручений следователя.

Ключевые слова: оперативный сотрудник; следователь; взаимодействие; раскрытие и расследование краж.

Для поиска оптимальных решений и направлений при раскрытии и расследовании краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, необходимо в первую очередь обратить внимание на повышение качества совместной деятельности оперативных сотрудников и следователей. В связи с этим устранение проблем координации между данными службами имеет большое практическое значение.

Является очевидным факт, что один следователь и даже группа следователей без помощи сотрудников оперативных подразделений часто не может в полном объеме выявить все обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании многих преступлений, в частности краж, совершенных в жилище. Положение усугубляется участвовавшими случаями оказания противодействия расследованию преступлений рассматриваемой категории в различных формах. Необходимость взаимодействия указанных субъектов обусловлена прежде всего тем, что органы дознания и следователь обладают специфическими, только им присущими средствами раскрытия преступлений¹.

¹ *Попов И. А.* Актуальные проблемы взаимодействия следователя (дознателя) с сотрудниками оперативных подразделений в раскрытии и расследовании преступлений // Труды ВНИИ МВД России : сб. М., 2016. С. 129–137.

Практика показывает, что при надлежащей организации взаимодействия следственных аппаратов и оперативных служб чаще всего достигаются положительные результаты по установлению лиц, причастных к кражам, и выявлению мест нахождения краденого. Это касается как случаев, когда необходимость в совместной работе возникает по материалам, полученным в процессе оперативно-розыскной деятельности до возбуждения уголовного дела, так и при привлечении оперативных сотрудников к работе в составе следственно-оперативных групп во время расследования.

В процессе изучения практики раскрытия, расследования дел данной категории обнаружен ряд типичных недостатков, проявляющихся при взаимодействии оперативного сотрудника со следователем и напрямую влияющих на эффективность получаемых результатов. Прежде всего, это некачественное исполнение письменных поручений следователя — 34% случаев. Далее нужно отметить недостаточный обмен информацией между оперативными и следственными подразделениями — 31%; несогласованность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в рамках одного уголовного дела — 17%; практически не встречаются случаи совместных совещаний для изучения сложившихся типичных ситуаций по уголовному делу. До приостановления расследования уголовного дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, случаи согласованного планирования оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий составляли всего 9%. Анализ последовательности проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий и их содержания часто свидетельствует о неправильно выбранной тактике и организации расследования, об этом же свидетельствует ненадлежащее качество зафиксированной в протоколах информации (6% случаев)².

Можно выделить основные направления взаимодействия, базирующиеся на совместной и согласованной деятельности по выявлению и сбору сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению, а также источниках и методах оказания противодействия.

Ознакомление следователя с оперативно-розыскными материалами и их оценка. Результаты обсуждения оптимальны для определения последовательности производства первоначальных следственных действий, а также разработки плана предстоящего расследования³.

² Данные получены по результатам опроса сотрудников следственных подразделений, имеющих опыт расследования преступлений рассматриваемой категории, за период с 2014 по 2017 гг.

³ Глушков А. И. Организация и тактика раскрытия преступлений в процессе совместной работы по уголовному делу следователя и работников милиции // Про-

Заметим, что многие ученые считают целесообразным максимально полное ознакомление следователя с результатами оперативно-розыскной деятельности⁴. По нашему мнению, непосредственная деятельность следователя при проведении следственных действий не должна исключать его участия в обсуждении результатов оперативно-розыскных мероприятий. Считаем необходимым комплекс гласных оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию краж, связанных с незаконным проникновением в жилище, включать в план расследования по уголовному делу. Если предполагается осуществление оперативно-тактической комбинации (например, задержание лица, совершившего преступление с поличным), помощь следователя потребуется при разработке плана ее проведения. В целях нейтрализации возможного противодействия расследованию необходимость в ознакомлении следователя с результатами оперативно-розыскной деятельности возникает не только при планировании первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, но и на дальнейших этапах расследования. Такая работа помогает оперативному сотруднику сосредоточить свои усилия на отдельных направлениях розыскной деятельности, а следователю определить наиболее эффективные тактические приемы проведения следственных действий.

Участие в работе дежурной следственно-оперативной группы (в 100% случаев), а также в работе специализированной следственно-оперативной группы (в 88% случаев).

Совместное составление планов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, оценка их результатов (84%).

Обмен информацией, имеющей ориентирующее для следователя значение (например, в какой последовательности ставить вопросы, имеющие отношение к выяснению факта участия подозреваемого в совершении нескольких краж либо установлению его лидирующей роли в преступной группе; определение момента предъявления вещественного доказательства, возможных мест сокрытия краденого и т. п.). При этом оперативный сотрудник должен обеспечить безопасность источника информации, а следователь продумать последовательность применения тактических приемов для получения оптимального результата в перспективе (76%).

блемы раскрытия преступлений в современных условиях : сб. науч. тр. М., 1993. С. 72–78.

⁴ Кучкина В. Г. Особенности планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий следственно-оперативной группой // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. 2011. № 4(20). С. 147–159.

Исполнение письменных поручений следователя (в 97% случаев)⁵.

В то же время следует учитывать, что виды взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений обуславливаются различными факторами (видом преступления, сложностью уголовного дела, количеством эпизодов, сложившимися оперативно-розыскными ситуациями и др.). Фактически речь идет о виде взаимодействия, с помощью которого оперативный сотрудник и следователь координируют свою деятельность в целях решения стоящих перед ними задач⁶.

Для реализации взаимодействия оперативного сотрудника и следователя по указанным направлениям по рассматриваемой категории дел имеет значение соблюдение следующих условий: определение единых целей и задач при четком распределении полномочий и направлений деятельности; согласованное планирование, выполнение организационных и оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, обеспечение их качественного и эффективного проведения; комплексное сочетание сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности; обеспечение органами следствия полноты и содержательности поручений; организация непрерывного обмена информацией, планирование оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в соответствии со складывающейся оперативно-розыскной ситуацией.

В ходе сотрудничества реализуется один из важнейших принципов, подчеркивающий руководящую роль следователя в организации совместной работы по раскрытию и расследованию краж. Именно следователь решает вопросы, связанные с подготовкой и проведением следственных действий, критически, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства оценивает результаты действий других участников следственно-оперативной группы⁷, а также представленные результаты оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, наиболее эффективными видами взаимодействия оперативного сотрудника и следователя при раскрытии и расследовании краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, являются создание дежурных и специализированных следственно-оперативных

⁵ Данные получены по результатам опроса сотрудников следственных подразделений. Итоговые цифры не должны соответствовать 100%, поскольку по условиям опроса предполагался не один, а несколько вариантов получения ответов.

⁶ *Бородин С. В.* Некоторые вопросы взаимодействия оперативного работника и следователя охраны общественного порядка // Труды ВНИИ ООП. 1967. № 9. С. 21–34.

⁷ *Марданов А. Н.* Взаимодействие следователя и оперативных подразделений в процессе расследования взяточничества при наличии посредника : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 78.

групп, совместное обсуждение и планирование подготовки и производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, оценка их результатов, ознакомление следователя с оперативно-розыскными материалами, исполнение поручений следователя, а также устный обмен информацией.

Реализация рассмотренных видов взаимодействия позволит эффективно проводить работу по раскрытию, расследованию краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище, преодолевать в случае необходимости оказываемое расследованию противодействие.

П. М. Титов

ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российским уголовно-процессуальным законодательством закреплена дифференциация уголовного преследования на три вида: публичного, частно-публичного и частного порядка. Частное обвинение выделено в отдельный порядок. Интерес ко всему институту частного обвинения обусловлен рядом факторов. Во-первых, это исторически древнее, самое первоначальное обвинение, от которого возникли другие обвинения: публичное и частно-публичное; во-вторых, частное обвинение является наиболее спорным в уголовном процессе, иными словами, уникальным. В данной статье обозначаются острые проблемы, которые требуют всестороннего исследования и разрешения.

Ключевые слова: *уголовный процесс; виды обвинения; частное обвинение; институт; частный обвинитель.*

В статье 45 Конституции РФ закреплено, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Положения данной нормы обеспечиваются не только институтами правоохранительных органов, но и предоставлением гражданам возможности самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов, в том числе путем применения института частного обвинения по уголовным делам.

Следует отметить, что частное обвинение — это исторически первая форма организации уголовного процесса, являющаяся в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве в определенном смысле уникальной, поскольку в полной мере основана на состязательности сторон, без элементов розыскного судопроизводства.

Уникальность подчеркивается тем, что волеизъявление потерпевшей стороны учитывается до удаления суда в совещательную комнату, а также обязательно для исполнения государственным органам.

«Состязательный процесс — продукт идеальной типологии»¹, которая необходима практически и в настоящий момент наглядно воплощена в институте частного обвинения.

В юридическом энциклопедическом словаре дано такое определение частного обвинения: это «форма производства по уголовным делам, которые возбуждаются только по жалобе потерпевшего либо его представителя и подлежат прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым. Обвинение поддерживается самим потерпевшим и поэтому называется частным»².

Н. А. Громов видел особенности сущности частного обвинения в том, что применение уголовного преследования зависит от воли потерпевшего³. Однако имеются и иные позиции ученых-процессуалистов, например Т. Н. Мухтасиповой, что частное обвинение — это «разновидность обвинения, являющаяся правовой формой уголовно-процессуальной деятельности, которая связывает субъектов взаимными правами и обязанностями»⁴.

Таким образом, сущность частного обвинения можно выделить в официальном обращении лица по факту совершенного противоправного уголовно наказуемого деяния в суд для привлечения к уголовной ответственности, а также в предоставлении доказательств и поддержании обвинения⁵.

Частное обвинение в Российской Федерации было особенно актуально до 15 июля 2016 г., т. е. до вступления в силу Федерального закона⁶,

¹ Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 18.

² Юридический энциклопедический словарь / ред. О. Е. Кутафин. М., 2002. С. 543.

³ Громов Н. А. Уголовный процесс России : учебное пособие. М., 1998. С. 530.

⁴ Мухтасипова Т. Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2004. С. 51.

⁵ Титов П. М. Некоторые особенности подачи заявления мировому судье по делам частного обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 57–59.

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газета. 2016. 8 июля.

который декриминализировал побои с переводом их в категорию административных дел, тем самым внося изменения в ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). В настоящее время к делам частного обвинения уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации относит: ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116¹ УК РФ (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию), ч. 1 ст. 128¹ УК РФ (Клевета). Таким образом, частное обвинение образуют всего 3 состава преступлений, все они предусматривают ответственность, не связанную с лишением свободы, а наказание по ним варьируется в пределах штрафа и ареста. Данные преступления относятся к преступлениям небольшой тяжести и имеют наименьшую общественную опасность.

Несмотря на курс законодателя на декриминализацию ряда статей, смягчение уголовной нагрузки на граждан, мы считаем, что нет достаточных аргументов, что ст. 116 УК РФ в прежней редакции, относящаяся к категории частного обвинения и активно применявшаяся, была тяжела в правоприменении. В практической деятельности в связи с ней возникали трудности, но они порождались пробелами научных исследований и некачественной работой законодателя, которая выражалась в непоследовательной деятельности по внесению различных изменений в соответствующую статью уголовного закона, начиная еще с УК РСФСР и заканчивая Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ⁷, который окончательно внес неопределенность в процессуальные аспекты применения данной нормы.

По прошествии времени после принятия поправок мы можем констатировать, что применение ст. 116¹ УК РФ уступает в частоте применения ст. 116 УК РФ в 3 раза. Это говорит не о том, что домашнего насилия стало меньше, а о том, что из-за затруднительной процедуры правоприменения ст. 116¹ УК РФ в настоящее время люди, которые как минимум дважды уже пострадали от домашнего насилия, не имеют сил обращаться за защитой своих прав и законных интересов и разочарованы в отсутствии механизмов реальной защиты от такого рода преступления, содержащихся ранее в ст. 116 УК РФ. В итоге это подрывает доверие к правоприменительным органам и к государству в целом. Как подчеркнул депутат Государственной Думы Сергей Неверов, «законодательство

⁷ О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 7, ст. 1027.

развивается быстро, но мы должны работать на опережение»⁸. Видится, что при такой политике государства по либерализации уголовного законодательства имеется возможность для расширения перечня статей УК РФ, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ. С 1990-х гг. стало развиваться гражданское общество, на фоне этого вырос и уровень правовой подготовленности граждан, что способствует самостоятельному отстаиванию ими своих нарушенных прав.

В российском научном сообществе не раз поднимался вопрос критериев отнесения тех или иных составов преступления к той или иной категории дел. Так, М. П. Куленкова высказала мнение об отсутствии целесообразности расширения перечня составов преступления, приводя при этом аргументы, связанные с доказыванием, а также с отсутствием у потерпевшего данных своего обидчика⁹. Противоположным примером может служить мнение Ю. В. Козубенко, который полагает необходимым отнесение преступлений, указанных в главе 23 УК РФ, к категории частного обвинения, так как возбуждение уголовного дела по ним возможно только по заявлению частного лица, т. е. потерпевшего¹⁰.

При разработке критериев целесообразно исследовать вопрос о внесении изменения в УПК РФ в части перечня составов преступления категории частного обвинения.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что необходимо помнить об исторической составляющей института частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации. Все изменения должны тщательно прорабатываться законодателем, при этом следует учитывать мнение научного сообщества. Тогда изменения не будут хаотично вноситься в частное обвинение, а станут частью стратегии по усовершенствованию данного института и всего российского уголовного судопроизводства.

⁸ Цит. по: Форум «Стратегия развития: вызов молодым» 14 декабря 2018 года. URL: <http://www.pda.old.duma.dov.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

⁹ Куленкова М. П. Особенности рассмотрения дел частного обвинения в суде первой инстанции // Вестник Удмуртского университета: Экономика и право. 2011. № 1. С. 153.

¹⁰ Козубенко Ю. В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб., 2006. С. 83.

Е. А. Тюлеева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Сведения о лице, совершившем преступление, собираются различными методами и связаны с изучением образовательного уровня, семейного положения, судимости и иных свойств и состояний личности. Когда виновный не установлен, предлагается получать о нем сведения с учетом данных криминалистической характеристики частной методики расследования.

Ключевые слова: личность мошенника; способ совершения преступления; характеристика.

Следует отметить, что изучение личности преступника в криминалистике проводится в двух направлениях. Первое состоит в исследовании еще не известного преступника. Оно, как правило, является неполным, так как информация о лице, совершившем преступление, минимальна и получена в основном благодаря проведенным неотложным следственным действиям. Второе направление связано со сбором информации об уже установленном лице, причастном к совершению преступления. Полученные сведения составляют основу подготовительных действий к проведению следственных действий (тактические приемы, установление психологического контакта и т. п.)¹.

Правильно отметил В. Ф. Ермолович: «Для эффективной криминалистической оценки личности подозреваемого принципиально важны сведения не только о жизненной установке, ценностных ориентациях, дефектах правосознания, особенностях антиобщественных взглядов, но и другие данные. Это могут быть сведения о его связях, особенностях поведения до, во время и после совершения преступления, которые предназначены для того, чтобы наладить с ним контакт, получить правдивые показания, помочь изобличить во лжи и т. д.»².

Основной задачей криминалистического установления личности является использование информации для разработки тактики следствия, она должна включать сбор следующих сведений: об образовательном

¹ Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М., 2018. С. 7–11.

² Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001. С. 198.

уровне, семейном положении, профессии, интересах (хобби), судимости предполагаемого преступника. Будут представлять интерес сведения о половой принадлежности, возрасте, признаках внешности, возможных физических недостатках, особых приметах. Подлежат установлению также некоторые психологические свойства личности: характер, темперамент, потребности, умственные способности, навыки, умения, привычки, эмоциональные особенности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Все полученные сведения и установленные свойства личности могут проявляться в действиях лица при совершении преступлений и, следовательно, могут быть исследованы и в последующем использованы для выбора тактических приемов при проведении следственных действий.

В криминалистической литературе выделяются только общие черты мошенника, без учета видов совершаемых преступлений. Обобщение практики расследования мошенничества в сфере кредитования физических лиц позволяет разделить типичные способы совершения таких преступлений на группы. Каждой группе присущи свои свойства личности преступника³. Определив способ преступления, можно с большой уверенностью говорить о предполагаемом лице, совершившем мошенничество.

К первой группе следует отнести случаи совершения мошенничеств со стороны руководителей предприятий в отношении своих сотрудников. Иногда такие предприятия создаются фиктивно (21% случаев). Возраст лиц, совершивших мошенничество подобным способом, составляет 30–40 лет, в основном это мужчины с высшим образованием, несудимые, работающие частными предпринимателями. В подавляющем количестве случаев — руководители предприятий. Данные лица обладают высоким профессионализмом, правовыми знаниями, знают сферу деятельности коммерческих организаций, знакомы с системой документооборота, поэтому им легче замаскировать свою преступную деятельность под легитимные гражданско-правовые отношения. Таким образом, наличие профессиональных навыков и умений может отражать выбор объекта преступного посягательства и способа совершения преступления. Установление способа совершения мошенничества дает основание выдвигать версии о личности преступника.

Директор реально действующего предприятия Ф. предложил своим работникам взять кредит в банке якобы на развитие производства, гарантировав личную оплату задолженности. Работники, взяв кредит на общую сумму 3 900 000 рублей, передали все денежные средства директору. Во время проведения предварительного следствия руководитель пред-

³ Предварительное исследование практики расследования мошенничеств в сфере кредитования физических лиц проводилось в Омской, Саратовской, Тюменской областях по специально разработанной анкете. Всего изучено 115 уголовных дел.

прияття вину в совершении мошенничества не признал, а заявил, что работники сами взяли кредиты в банке, без его ведома и на свои нужды⁴.

Ко второй группе относятся мошенничества, совершаемые лицами при личном обращении в банк, кредитную организацию по поддельным документам или с использованием специально подготовленных граждан (в качестве обеспечения кредита происходит обман поручителей и обман при использовании залога). Большинство мошенничеств совершается мужчинами (высока доля и женщин) в возрасте 22–30 лет со средним специальным или средним общим образованием (в том числе неполным средним), они не судимы, практически все нигде не работают. Следует заметить, что однократные и непродолжительные преступления распространены среди мошенников, действующих в одиночку. Неоднократное совершение мошенничества, как правило, характерно для организованных преступных групп. Данный способ совершения мошенничества является одним из самых распространенных (37% установленных случаев). Причин тому несколько: легкость получения и доступность кредитов, отсутствие каких-либо затруднений при оформлении соответствующих документов. Здесь не требуются особые знания в банковской сфере, играет также нежелание молодых людей зарабатывать средства законным путем. Во многих случаях совершению мошенничества в сфере кредитования физических лиц благоприятствуют алчность пострадавших, желание обойти существующие правила оформления кредита и последующих выплат.

Наиболее часто действует схема, когда мошенник уговаривает жертву за вознаграждение оформить для него кредитный договор на свое имя, при этом гарантируя оплату взносов. Получив товар, мошенник реализует его по заниженной стоимости и скрывается. Здесь прослеживается связь между такими элементами криминалистической характеристики, как личность преступника и предмет преступного посягательства. В основном внимание мошенников сосредоточено на товарах небольшой ценовой категории, при этом они не стремятся к большой наживе, предполагая, что из-за нескольких тысяч рублей их вряд ли будут разыскивать. Пренебрежение морально-нравственными ценностями, стремление к личному обогащению любым путем являются основными мотивами мошенников.

К третьей группе следует отнести случаи мошенничеств, совершаемых работниками банков или сотрудниками кредитной организации в отношении клиентов (17% случаев). Следует отметить, что в таких случаях в основном мошенниками являются кредитные агенты (инспекто-

⁴ *Архив* Кировского районного суда г. Омска за 2016 г.

ры), которые прошли обучение в банке или кредитной организации и осуществляют кредитование населения непосредственно в торговых точках. Возраст таких лиц 22–30 лет, это мужчины и женщины, имеющие среднее специальное образование, несудимые. Часто такие преступления совершаются в группе. В данной ситуации прослеживается четкая взаимозависимость указанного способа совершения преступления и конкретной личности мошенника. При принятии решения о совершении мошенничества виновные находятся в дружеских отношениях, а полученный доход предполагают разделить между собой. Иногда сотрудники банка или кредитных организаций оформляют неправомерные сделки, руководствуясь ложным чувством товарищества. Например, для оказания помощи знакомому в оформлении кредита по чужим документам. Один раз попробовав и оставшись безнаказанными, они теряют бдительность и начинают оформлять подобные кредитные договоры в большом количестве, что не может не вызывать подозрение. Так, к гр-ке С., являющейся кредитным агентом в магазине по продаже сотовых телефонов, обратился ранее знакомый гр. Р. с просьбой оформлять кредиты по поддельным (утерянным) документам, а полученные товары продавать по заниженной стоимости. Таким способом всего за два месяца они обманули более 20 человек⁵.

Четвертая группа: мошенничества с использованием кредитных карт. Такие преступления совершаются в основном преступными группами в течение длительного времени. Обязанности членов группы заранее распределены и исполняются с высокой точностью и профессионализмом. Участники преступной группы, как правило, ранее знакомы, имеют определенный криминальный опыт (либо были ранее судимы за аналогичные преступления, либо привлекались к уголовной ответственности, но их виновность не была доказана, либо постоянно общаются в преступной среде лиц, специализирующихся на совершении мошенничеств). Такие субъекты не имеют постоянного источника дохода, их возраст 22–30 лет.

Таким образом, обладая информацией о совершении мошенничества при кредитовании физических лиц, следует проводить сбор информации о предполагаемом лице, совершившем данное преступление, исходя из способа совершения преступления и предмета преступного посягательства. Как правило, полученных сведений бывает достаточно, чтобы определить круг лиц, причастных к преступлению, и в дальнейшем проводить работу по сбору данных, характеризующих каждого из участников преступного события.

⁵ Архив Осинниковского городского суда Кемеровской области за 2017 г.

Р. С. Хисматуллин, Э. М. Нигаматьянова

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

В статье анализируются актуальные проблемы совершенствования судебной деятельности по делам несовершеннолетних как одного из основных направлений предупреждения правонарушений среди подростков. Обосновывается необходимость обязательного участия защитника-адвоката в судебном заседании по делам данной категории, целесообразность рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в закрытом судебном разбирательстве. Вносятся предложения по повышению качества судебного рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, обуславливающие предупреждение правонарушений среди подростков.

Ключевые слова: суд; судебное рассмотрение; несовершеннолетние; защитник; закрытый судебный процесс.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул: «Для нашего общества, для нашего многонационального народа именно семья, дети, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом. Мы делали и будем делать все для укрепления семейных ценностей. Это вопрос нашего будущего. Государство должно помочь людям, помочь выйти из возможной сложной их жизненной ситуации. Для защиты граждан, особенно — несовершеннолетних, нужны дополнительные законодательные гарантии». «Ребенок нуждается в особой заботе», — акцентировал внимание Президент¹.

Полагаем, данные слова В. В. Путина в полной мере относятся к решению проблем совершенствования судебной деятельности по делам несовершеннолетних как одному из основных направлений предупреждения правонарушений среди подростков, обеспечения предупреждения судом данных деяний, дальнейшего реального обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, особенно несовершеннолетних.

Остановимся на некоторых моментах.

1. Выступая 16 ноября 2019 г. на пресс-конференции при подведении итогов саммита БРИКС, Президент Российской Федерации отме-

¹ Рос. газета. 2019. 21 февр.

тил: «БРИКС является фактором стабильности не только в политике, но и в мировой экономике... Надеюсь на здравый смысл политиков других стран, что ответственность за положение граждан своих государств возлагается над политическими партийными амбициями»².

В соответствии с Конституцией Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и Конституции Российской Федерации. Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием. Более того, как указано в ст. 18, чч. 1 и 2 ст. 48 «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника)».

Между тем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), определяя, что «в качестве защитников участвуют адвокаты», допускает возможность и другого решения, в частности: «по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи **указанное лицо допускается и вместо адвоката** (выделено нами. — Р. Х., Э. Н.)» (ч. 2 ст. 49 УПК РФ).

В то же время УПК РФ четко определил, что «участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним» (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Согласно Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) основные процессуальные гарантии несовершеннолетнего, такие как право иметь адвоката, должны быть гарантированы на всех этапах судебного разбирательства (ст. 7)³.

Реально обеспечить и способствовать более полной, квалифицированной, всесторонней и внимательной защите прав и законных интересов несовершеннолетнего подсудимого, полагаем, сможет защитник, специализирующийся на участии в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних.

² Фактор стабильности // Рос. газета. 2019. 18 нояб.

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). URL: https://www.un.org/ru/documents/declonv/conventions/beijing_rules.shtm (дата обращения: 20.11.2019).

Предлагаем внести изменения в УПК РФ, изложив ч. 2 ст. 49 УПК РФ в следующей редакции: «По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый», **исключив из ч. 2 ст. 49** положение «При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката».

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (чч. 1 и 2 ст. 23, ч. 1 ст. 24).

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия⁴.

Конституция Российской Федерации и нормы международного права предусматривают возможность и необходимость проведения закрытого судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних для обеспечения и реального соблюдения прав несовершеннолетних в целях защиты чести и доброго имени подростков. Полагаем, судьям необходимо также помнить и учитывать в судебном рассмотрении дела, что несовершеннолетние подсудимые — эмоционально неустойчивые личности, не адаптированные еще к условиям и отношениям взрослой жизни. В силу своего возраста, психологической и физической незрелости подростки-подсудимые в судебном заседании в условиях открытого, гласного судебного разбирательства в присутствии большого количества людей испытывают волнение, нередко страх, тревогу, внутреннее напряжение. Судебное рассмотрение уголовного дела является для подростка сложной психологической, нравственной и одновременно стрессовой жизненной ситуацией.

Между тем «проведение закрытого судебного разбирательства по делам несовершеннолетних обеспечивает благоприятную психологическую обстановку в суде для всестороннего, полного и объективного рассмотре-

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с посл. изм. от 13 мая 2004 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния всех обстоятельств дела, способствует вынесению законного, обоснованного и справедливого решения»⁵. Более половины опрошенных нами адвокатов, прокуроров и судей Республики Башкортостан и Пермского края (60% респондентов) подчеркнули целесообразность рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в закрытых судебных заседаниях.

Предлагаем внести изменения в УПК РФ и изложить п. 2 ч. 2 ст. 241 в следующей редакции:

«Закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда:

2) рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет».

К. В. Шаров

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

Криминальную обстановку в Российской Федерации осложняют преступления, связанные с нелегальным применением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Повышение эффективности раскрытия данных преступлений немыслимо без теоретических исследований содержания такой научной категории, как методика раскрытия. Одним из основных элементов методики раскрытия является оперативно-розыскная характеристика, объединяющая в себе поисковые признаки, направленные на расширение информации о преступлении.

Ключевые слова: *незаконный оборот оружия; оперативно-розыскная характеристика; методика раскрытия преступления.*

Незаконный оборот оружия относится к самым прибыльным сферам криминального бизнеса. Несмотря на то что доля таких преступле-

⁵ Хисматуллин Р. С., Минибаева Д. Ф. Тактические основы судебного рассмотрения дел о преступлениях в сфере экономической деятельности : монография. Уфа, 2014. С. 45.

ний составляет чуть более 1% от общего числа, они являются серьезной проблемой, так как способствуют совершению тяжких преступлений — заказных убийств, разбойных нападений и т. д.¹

Рассмотрение содержания методики раскрытия преступления зависит напрямую от правильного представления об объекте исследования. Привычный термин «оперативно-розыскная характеристика» в повседневной практике как органов внутренних дел, так и всей правоохранительной системы в целом создает ложное впечатление о его содержании. В то же время имеются различные точки зрения, обусловленные разнообразным и многогранным восприятием этого понятия².

Методика раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, состоит из отдельных элементов, содержание которых определяется задачами, стоящими перед подразделениями уголовного розыска по раскрытию тяжких преступлений. Одним из таких элементов является оперативно-розыскная характеристика, относящаяся к видам преступлений.

Вместе с тем отметим, что оперативно-розыскная характеристика не представляет собой результат сложения всех характеристик, заимствованных из других отраслей наук, поскольку преступность и ее проявления исследуются через призму собственных интересов, исключая простое дублирование и копирование. Важно понимать, что при единстве понятий и категорий каждая отдельно взятая наука рассматривает их специфические закономерности и в контексте потребностей разрабатывает свои понятия. Для оперативно-розыскной теории было бы неразумным полностью отделиться от других юридических наук, занимающихся преступностью, поскольку это породило бы не самостоятельность науки, а ее изолированность и неэффективность³.

В связи с этим можно с уверенностью сказать, что информация, полученная из анализа элементов оперативно-розыскной характеристики, является основой для выработки различных версий о причастности отдельных лиц к совершению преступления. При этом комплексы оперативно-розыскных мер, которые создаются на основе такой информации, способствуют не только раскрытию преступлений, но и решению задач их профилактики. Применительно к незаконному обороту оружия

¹ Муркитис М. И. Незаконный оборот оружия и его предупреждение. М., 2019. С. 79.

² Хайдегер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М., 1993. С. 43.

³ Овчинников О. М. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3(43). С. 34–41.

эффективность использования положений оперативно-розыскной характеристики может быть усилена включением дополнительных поисковых признаков. Именно такая постановка вопроса, применяемая к делам данной категории, выглядит наиболее полноценной и вполне эффективной в силу высокого уровня их скрытности.

В теории оперативно-розыскной деятельности сложилось мнение о том, что оперативно-розыскная характеристика «представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников (входящих, прежде всего, в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений). В зависимости от характера преступлений она носит динамичный характер и поэтому может дополняться или обходиться без некоторых элементов»⁴.

Практика борьбы с незаконным оборотом оружия четко свидетельствует, что без эффективного и правильного использования сведений, содержащихся в различных информационных системах, проводимые оперативно-розыскные мероприятия не дают должного результата. Оперативно-розыскная деятельность подразделений криминальной полиции по борьбе с незаконным оборотом оружия тесно сопряжена с механизмом получения, сохранения, использования разного рода информации. Главная задача состоит в ее обработке для последующего применения.

Установление, выявление способов совершения преступных деяний и последующее раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, оперативно-розыскным путем ведется по направлению поиска, сбора и обобщения информации, представляющей оперативный интерес. Для этого проводятся оперативно-розыскные мероприятия: наведение справок, опрос, наблюдение, при возникновении необходимости получения более достоверных сведений осуществляется прослушивание телефонных переговоров. Данные оперативно-розыскных мероприятия дают возможность предполагать причастность субъекта(ов) к делам, связанным с незаконным оборотом оружия⁵. Последовательность их проведения определяется конкретными ситуациями, возникающими

⁴ *Пермяков М. В.* Оперативно-розыскное обеспечение противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 52–55.

⁵ *Боровский Н. Ф., Корякин Д. В., Фильченков Г. И.* Объединить усилия в борьбе с нелегальным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ // Вести МВД России. 1997. № 5. С. 99–104.

на момент получения оперативной информации. Элементы оперативно-розыскной характеристики способствуют накоплению типичной информации и в случае необходимости в силу своей типичности способны заменить недостающие.

Несмотря на проводимую оперативно-розыскными подразделениями работу, не стоит забывать, что неудовлетворительное состояние борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом оружия, во многом обусловлено недостатками при работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие правоохранительным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, некачественными результатами ведения дел оперативных учетов.

Многолетний практический опыт показывает, что зарекомендовали свою эффективность такие формы и методы работы оперативных подразделений, как:

1) разъяснительная работа с использованием средств массовой информации и сети Интернет о добровольной сдаче оружия, находящегося у граждан при отсутствии законных оснований;

2) непосредственная разъяснительная работа среди населения, в охотничьих сообществах сотрудниками Министерства природных ресурсов РФ и Федеральной службы войск национальной гвардии;

3) установление доверительных отношений с гражданами и владельцами магазинов, занимающихся реализацией оружия и боеприпасов;

4) проверка мест хранения оружия и их технической укрепленности, своевременное изъятие оружия в случае выявления нарушений требований к его легальному обороту, хранению, реализации. Установление нового адреса собственника оружия при смене им места жительства;

5) проведение проверочных закупок. В зависимости от сложности и специфики мероприятия проверочная закупка может осуществляться в форме разовой сделки либо в качестве составляющего элемента сложных оперативных комбинаций, сопровождающихся прикрытием⁶.

Изложенное позволяет констатировать необходимость дальнейшей разработки вопросов, связанных с определением основных элементов, входящих в оперативно-розыскную характеристику, их значения в целом для методики раскрытия преступлений. Залогом успешности этого должно стать четкое осмысление теоретико-прикладных проблем, базирующихся на тщательном анализе текущей оперативной обстановки, разработка приоритетных направлений борьбы с указанными преступными проявлениями с опорой на их оперативно-розыскную характеристику.

⁶ Белкин А. Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 173.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Лейла Юсуповна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: aksenova.leila@mail.ru

Бондаренко Антон Алексеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России, электронная почта: prozess_oma@mail.ru

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, электронная почта: borisbulatov@rambler.ru

Валиулин Руслан Рашидович — преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, электронная почта: valiulinrr86@gmail

Гаас Нина Николаевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, электронная почта: nina.gaas@inbox.ru

Дежнев Александр Сергеевич — начальник учебно-научного комплекса подготовки сотрудников оперативных подразделений Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, электронная почта: omsk-das@mail.ru

Диваев Александр Борисович — декан юридического факультета Кузбасского института ФСИИ России (г. Новокузнецк), кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: divalex09@mail.ru

Дударева Марина Александровна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, электронная почта: prozess_oma@mail.ru

Ермаков Михаил Геннадьевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, электронная почта: mgermakov@yandex.ru

Журавлева Наталья Михайловна — преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), электронная почта: zhuravlevanm2016@yandex.ru

Исакова Татьяна Игоревна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Кузбасского института ФСИИ России (г. Новокузнецк), кандидат юридических наук, электронная почта: nauka@kifsin.ru

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, электронная почта: prozess_oma@mail.ru

Карнович Сергей Анатольевич — заместитель начальника Омской академии МВД России (по работе с личным составом), кандидат юридических наук, электронная почта: karnovich07@mail.ru

Коробкова Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, электронная почта: prozess_oma@mail.ru

Кузнецов Александр Александрович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, электронная почта: omakrim55@mail.ru

Ломакина Алла Алексеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, электронная почта: lomakina.alla@inbox.ru

Лукиянова Алина Александровна — преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, электронная почта: lok_doc@mail.ru

Мазунин Павел Яковлевич — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: p.mazunin75@yandex.ru

Мазунин Яков Маркиянович — профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, электронная почта: yakovmazunin@yandex.ru

Матвеев Максим Михайлович — заместитель директора Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), старший преподаватель кафедры криминалистики, электронная почта: mmm001@usla.ru

Медведева Мария Олеговна — преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, электронная почта: mashulyamedvedeva@yandex.ru

Мерлаков Данил Сергеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России, электронная почта: merlakov@gmail.com

Муравьев Кирилл Владимирович — начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, электронная почта: murki@list.ru

НебрATENко Геннадий Геннадиевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, доцент, электронная почта: gennady@nebratenko.ru

Нигаматьянова Эльвина Маратовна — юрист, г. Уфа, электронная почта: elvinanigamatyanova@gmail.com

Николок Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник научного центра исследования проблем правосудия Российского государственного

ного университета правосудия (г. Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, электронная почта: nvv56@mail.ru

Олейник Виталий Васильевич — преподаватель кафедры специальных дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск), электронная почта: vityaol15@gmail.com

Павлов Антон Васильевич — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: pavlov_oma@mail.ru

Пилушин Игорь Павлович — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: igor-pilyushin1962@yandex.ru

Сафонов Георгий Игоревич — преподаватель кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, электронная почта: gi.safonov@yandex.ru

Соколов Андрей Борисович — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: Andrey.perm@mail.ru

Супрун Сергей Владимирович — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, электронная почта: prozess_oma@mail.ru

Табакон Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, электронная почта: tabakovsa@rambler.ru

Танков Алексей Юрьевич — старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, электронная почта: Tankov7@yandex.ru

Титов Павел Михайлович — адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), электронная почта: titov1995@yandex.ru

Тюлеева Елена Александровна — преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, электронная почта: 9850209@mail.ru

Хисматуллин Рашит Сагитович — профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Почетный судья Верховного Суда Республики Башкортостан, Государственный советник юстиции 3-го класса, доктор юридических наук, профессор, электронная почта: bashrsh@mail.ru

Шаров Константин Викторович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России, электронная почта: kostia_sharov55@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Аксенова Л. Ю., Карнович С. А. Осмотр документов как средство выявления сокрытия мошенничества	3
Бондаренко А. А. Нормативно-правовое регулирование подсудности по сложносоставному уголовному делу	7
Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Особенности развития законодательной регламентации порядка наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве	11
Валюлин Р. Р. О некоторых вопросах объявления розыска	15
Гаас Н. Н. К вопросу о пределах полномочий суда при принятии решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением	19
Диваев А. Б. Соотношение цели уголовного процесса и цели уголовно-процессуального права	22
Дударева М. А. Злоупотребление правом на защиту: неразрешенные вопросы	26
Ермаков М. Г. О практике производства обыска в жилище без предварительного получения решения суда	30
Журавлева Н. М. Свобода оценки доказательств при производстве дознания в сокращенной форме	33
Исакова Т. И. Некоторые вопросы изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий	36
Кальницкий В. В. Предпосылки особого порядка судебного разбирательства не должны формироваться в досудебном производстве	38
Коробкова Е. Е. Сравнительно-правовая характеристика институтов привлечения в качестве обвиняемого и объявления о квалификации деяния по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан	43
Лукьянова А. А. Значение психиатрической судебной экспертизы потерпевшего в доказывании по уголовным делам	47
Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Восполнение пробелов в материалах предварительного следствия в суде по делам об организованной преступной деятельности	50
Матвеев М. М. Повышение эффективности контроля и записи переговоров в структуре специальной тактической операции	54

Мерлаков Д. С. Классификация субъектов, осуществляющих уголовное досудебное производство	57
Муравьев К. В., Олейник В. В. Порядок возбуждения частного уголовного преследования: коллизии и решения	61
Небрятенко Г. Г. Создание Донской прокуратуры	66
Николюк В. В., Ломакина А. А. Противодействие преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты (постановка проблемы)	68
Павлов А. В., Супрун С. В. Правовой статус жилища и проблемы его установления до начала осмотра места происшествия	74
Пилюшин И. П. Избрание и применение меры пресечения в виде запрета определенных действий.	78
Сафонов Г. И., Медведева М. О. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве	82
Соколов А. Б. Тактические приемы допроса в бесконфликтной ситуации.	87
Табакон С. А. Особенности уголовно-процессуального регулирования вопросов, связанных с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства	91
Танков А. Ю., Кузнецов А. А. Основные направления взаимодействия оперативного сотрудника и следователя в ходе раскрытия и расследования краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище	95
Титов П. М. Частное обвинение в уголовном процессе Российской Федерации	99
Тюлеева Е. А. Основные направления изучения лица, совершившего мошенничество в сфере потребительского кредитования.	103
Хисматуллин Р. С., Нигаматьянова Э. М. Проблемы совершенствования судебной деятельности по делам несовершеннолетних — одно из основных направлений предупреждения правонарушений среди подростков	107
Шаров К. В. Оперативно-розыскная характеристика как элемент методики раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	110
Сведения об авторах.	114

Научное издание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Редактор О. В. Арефьева

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор А. В. Евдокимов

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 31.08.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 105 экз. Заказ № 125.

